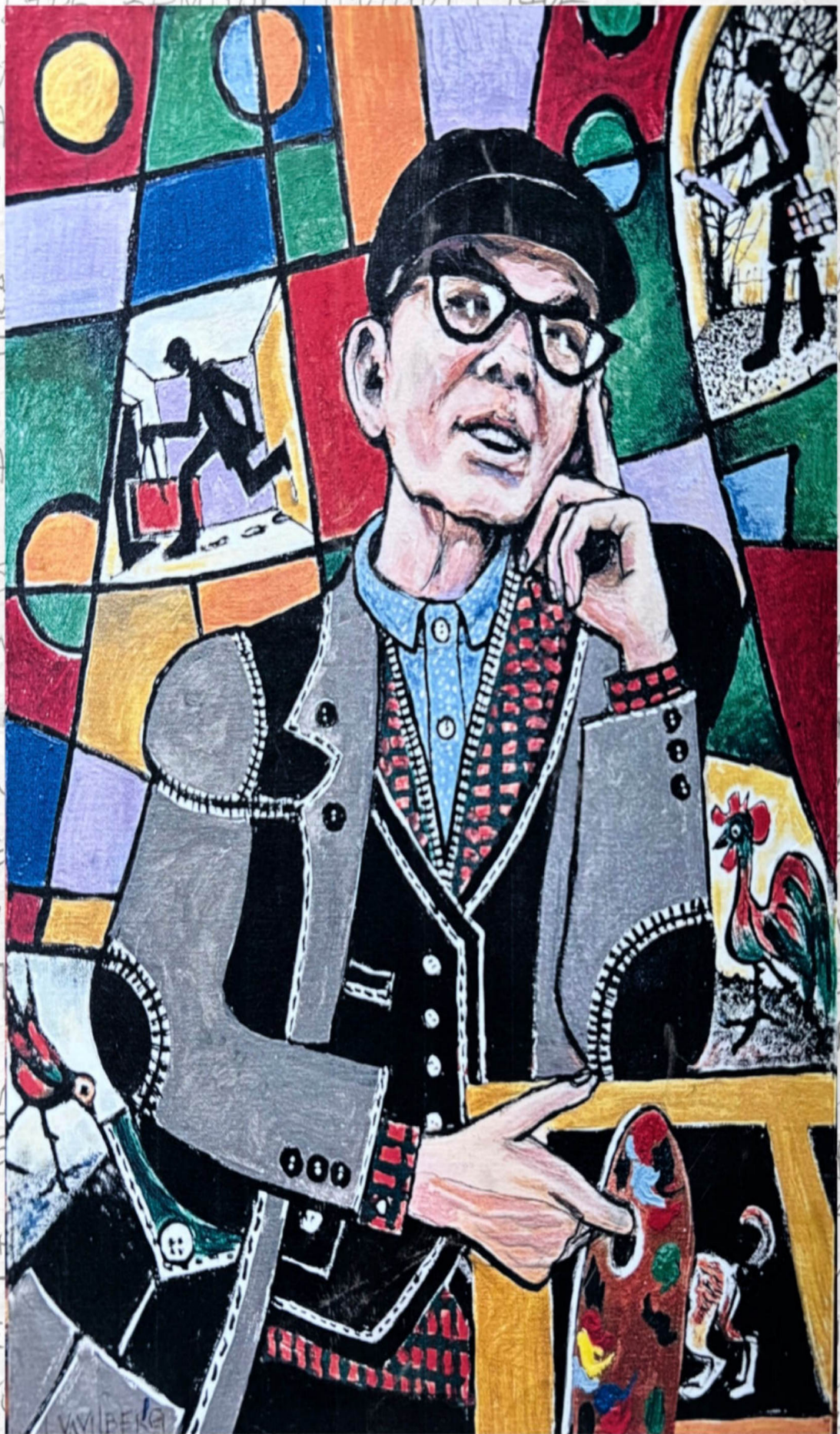

КОНСТАНТИН БОКОВ

Константин Боков

Константин Боков

Народный художник
Нью-Йорка

Нью-Йорк InterArt 2025

Народный художник Нью-Йорка

Константин Боков

Живопись, графика, рисунки

Арт объекты, фото

Пресса

Эссе

"Константин Боков уже несколько десятилетий является неотъемлемой частью художественного Нью-Йорка. А для многих галереи и даже целых городских районов – он вообще как талисман, вызывающий добрую улыбку одним лишь своим появлением и умением творить волшебство из обыденности".

"Абсолютно все в Бокове – работы, образ жизни, и вечный поиск искусства во всем окружающем делают его живой легендой Поп Арта"

О нем писали всезнающие американские газеты, снят чудесный фильм, взяты интервью – художник Константин Боков не остался незамеченным в истории современного искусства, более того – он занял там свое собственное заслуженное место – "народного художника Нью-Йорка", как он сам себя называет.

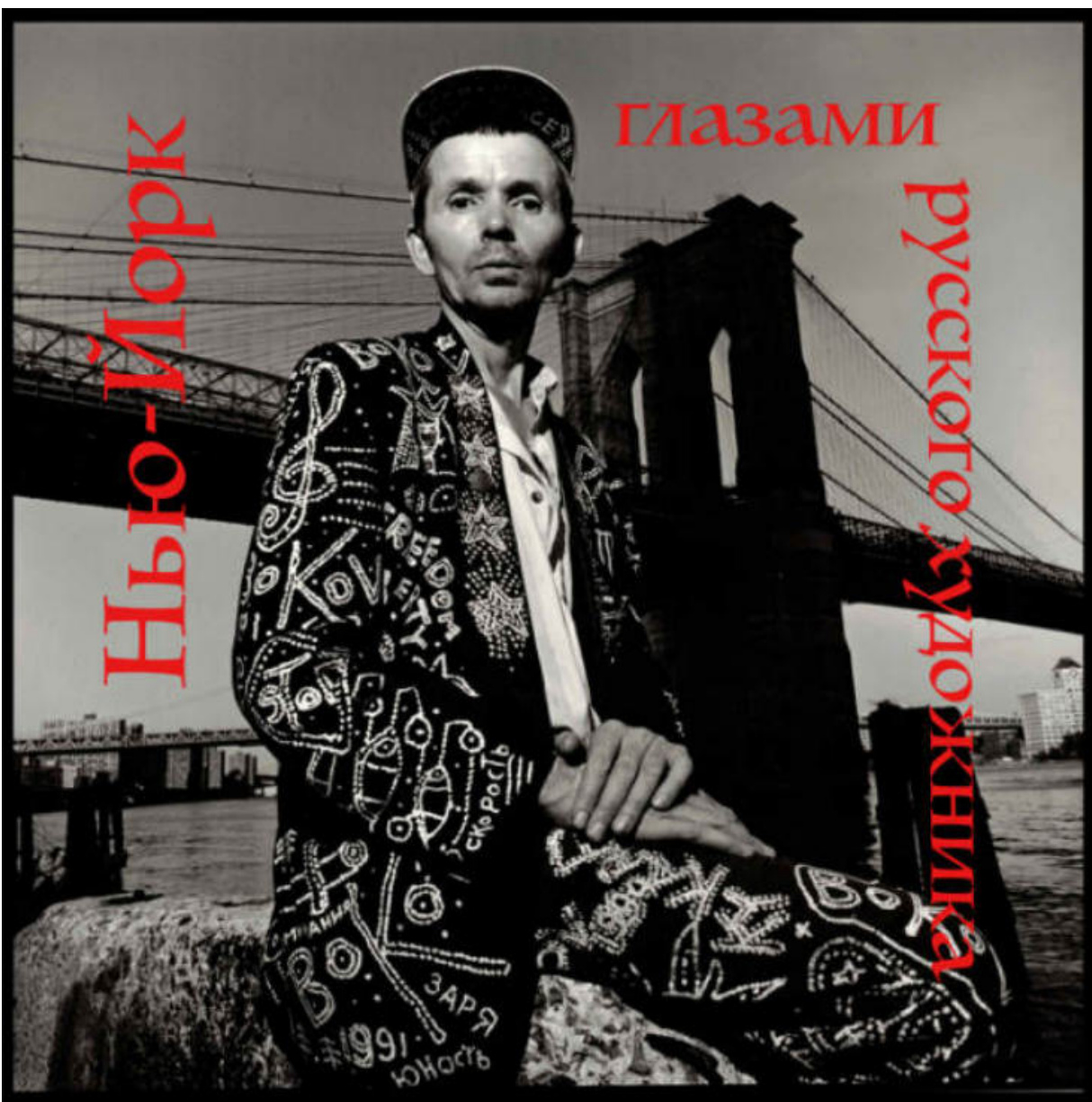
Художественные замыслы и Арт объекты © Константин Боков

Книга и коллекция работ К.Бокова © Людмила Бокова и Алексей Боков

Компьютерный дизайн © Светлана Вайс

Константин Боков. Автопортрет 1975

New York Newsday

EDITION

THURSDAY, JAN. 14, 1988 • 25 CENTS

Konstantine held up the sheet of paper. People nodded and pursed their lips in approval, the subway equivalent of a standing ovation in less restrained venues.

Now the panhandler held out his hand for the sketch.

"You give me dollar, I give you picture," said Konstantine.

"Maybe next year," said the panhandler.

Konstantine's subway sketches are not designed as a money-making enterprise ("If everyone makes only money, what is happy about that?"), but as a way of passing the time.

"Everytime I drive in subway, instead of boring, I entertain myself by drawing the people," says Konstantine, 47, who emigrated to the United States from Russia 13 years ago and now lives in Washington Heights.

"Now, when I start to draw people, I am sorry every time when is my stop. I call subway my studio. I feel myself happy because of subway of New York City."

Konstantine's fine art has been shown in galleries, he says, and he often works parties — "I have done disco parties in every major disco club in New York City" — and has worked for restaurants. "I make art project now for cafe in Greenwich Village. Yesterday, I was painting car. It was very difficult condition, with weather. It was my first car." Dabs of blue and yellow on his cheek were leftovers from the car job, he said — not extensions of the drawings on his clothes. ("When I enter Modern Art Museum or Guggenheim, I feel I am most alive painting in museum.")

The first two or three sketches on any of Konstantine's subway trips are usually done before other riders realize what he's up to. While the others are dozing, or nosing their newspapers, Konstantine is standing with the giant portfolio bag squeezed between his knees and the sketch pad clipped to a board. He is only six feet away, but in a subway car, that's as good as 60 yards on dry land. When he's finished, he carefully rolls the sheet of paper into a tube shape, fishes a rubber band from a pocket, and presents it to

the ambushed subject.

You carry a whole bag of rubber bands just for that?

"Yes, of course, why?" said Konstantine. "This is 50 pages, some days I draw whole entire pad. I am very active."

He is fond of sketching musicians on station platforms, and transit police often ask him for a quick portrait. They call him "Mr. Graffiti," after his gold-glittering coat, says Konstantine.

There are occasional objections. "I sit and draw one teenager. There was adult man, and he talks to boy. Look, he teaches this boy, he makes millions on people like you. This one makes millions on you. It's strange to see this kind of wisdom."

The fact that his "studio" generally bounces like a bronco does not bother him. "I don't need a seat, I could work in any condition."

The best time to work, he says, is just after the evening rush hour. "People in the morning, they are kind of stressed. After the work, they are more relaxed. I make joke: This is project of City Hall."

After he sketched the panhandler on the A train, he turned his attention to passenger Carol Sundquist. This was not the first portrait she had commissioned. "I had another artist in San Francisco," said Sundquist. "But it took him a couple of sittings over a couple of weeks."

It only took Konstantine a couple of stops. He sketches, he rolls the tube, finds the rubber band, and is on to his next subject.

"This is New York City spirit and life, I do not see this in book," he said, gazing around his train.

"When I came to New York, I was very alone. I was very depressed. I had not English language. Now I feel myself brother. I feel myself New Yorker. I feel all these people are my people. Now I feel myself happy with life in New York City."

On a Train

An Artist Captures Strangers

BY JANUARY 14, 1988

introduced by
John W.

for
Ro-

Рис. No1
Из альбома рисунков Константина Бокова. Москва. 1972год
Коллекция Натальи Боковой. Амстердам

Рис. No2
Из альбома рисунков Константина Бокова. Москва. 1972год
Коллекция Натальи Боковой. Амстердам

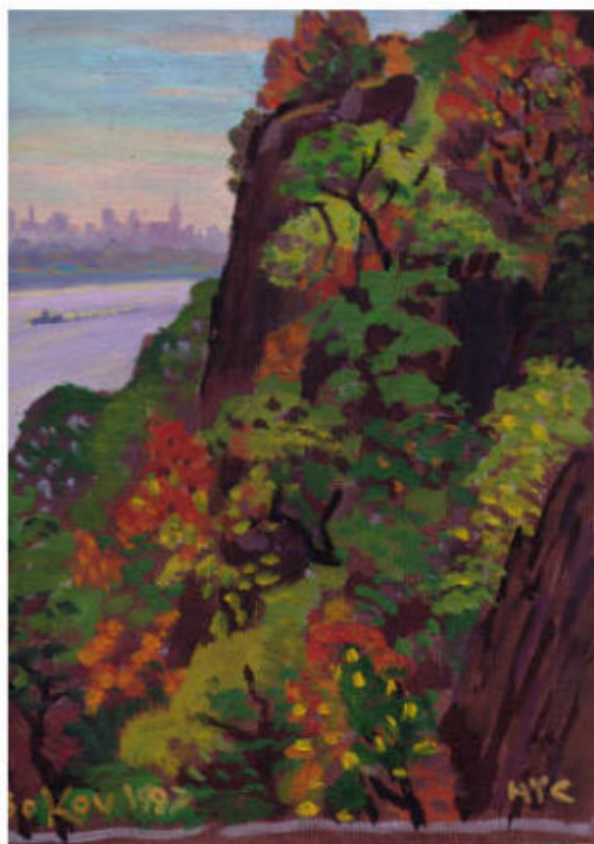
Рис. No3
Из альбома рисунков Константина Бокова. Москва. 1972год
Коллекция Натальи Боковой. Амстердам

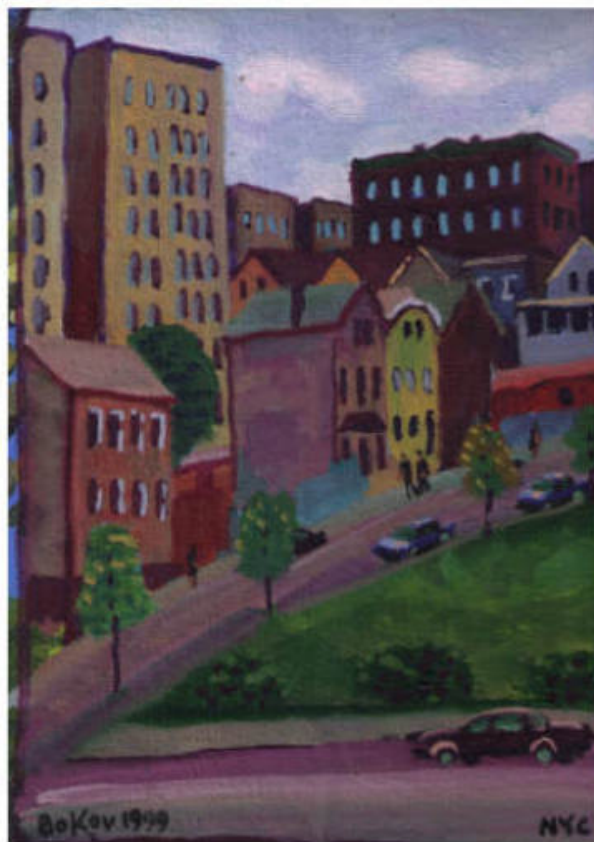
Рис. No4
Из альбома рисунков Константина Бокова. Москва. 1972год
Коллекция Натальи Боковой. Амстердам

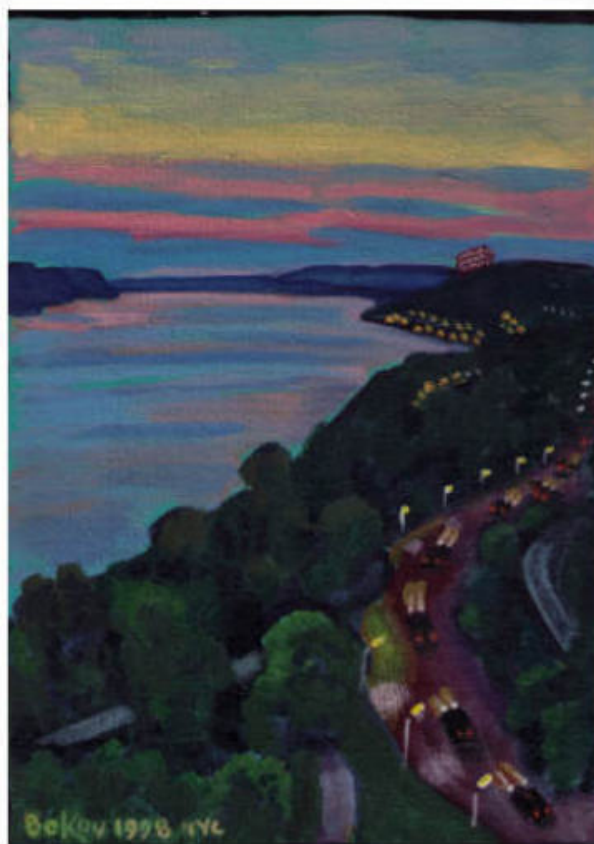
Рис. No5
Из альбома рисунков Константина Бокова. Москва. 1972год
Коллекция Натальи Боковой. Амстердам

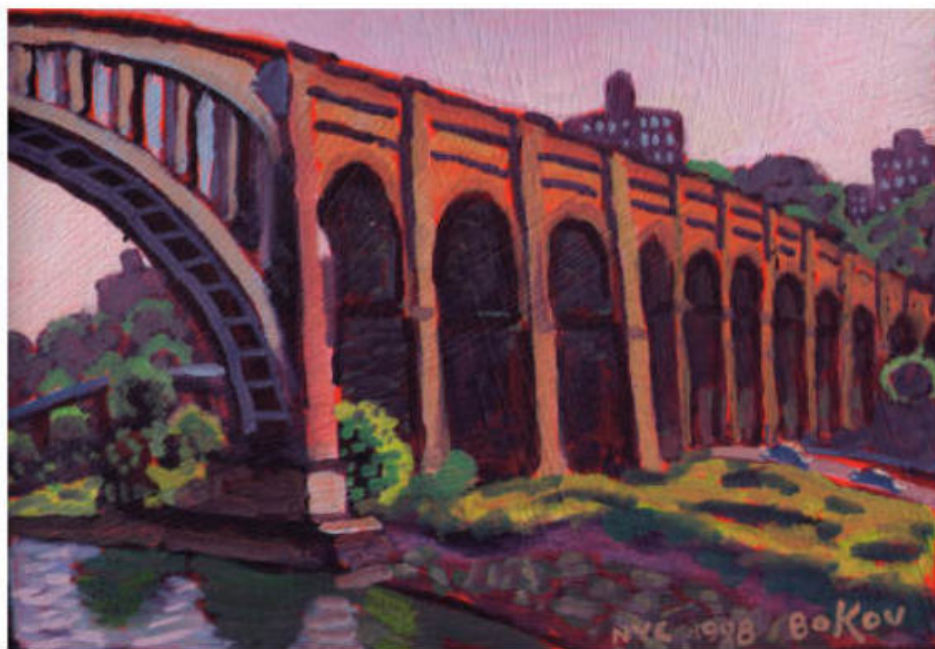
«Вид на Нью-Йорк через Гудзон»
Холст, масло, 1997год

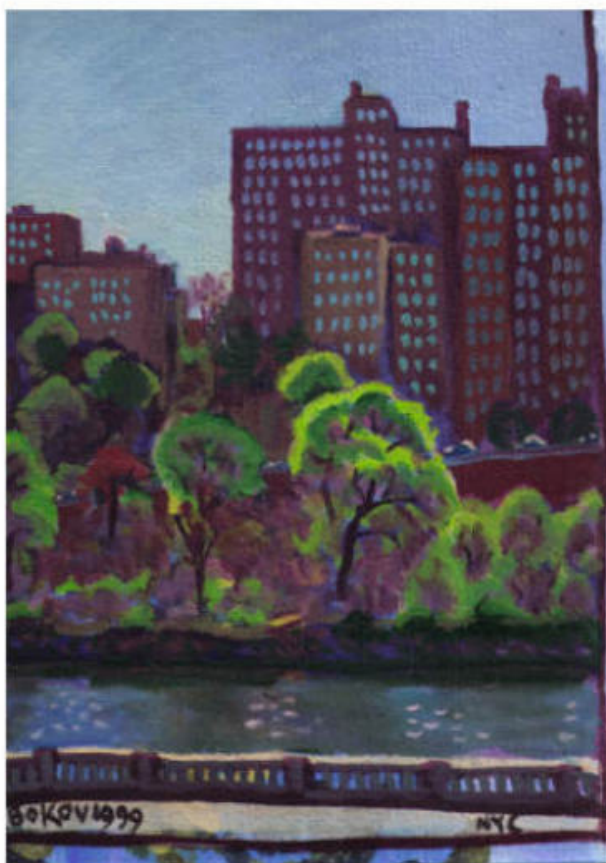
«Верхний Манхеттен. Вашингтон Хайтс»
Холст, масло, 1999год

«Манхеттен. Шоссе вдоль Гудзона»
Холст, масло, 1998 год

«Акведук между Бронксом и Манхэттеном»
Холст, масло, 1998год

«Манхеттен, Гарлем»
Холст, масло, 1999год

«Манхеттен. Сумерки»
Холст, масло, 1988год

«Вечерние огни в Гринвич Вилладж»
Холст, масло, 1988 год

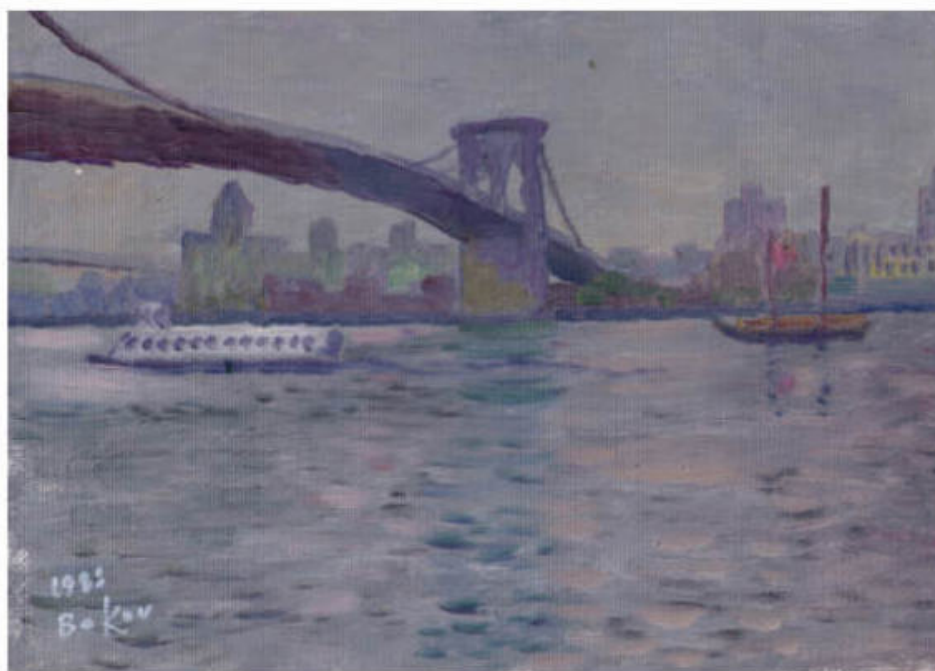
«Гринвич Вилладж»
Холст, масло, 1988 год

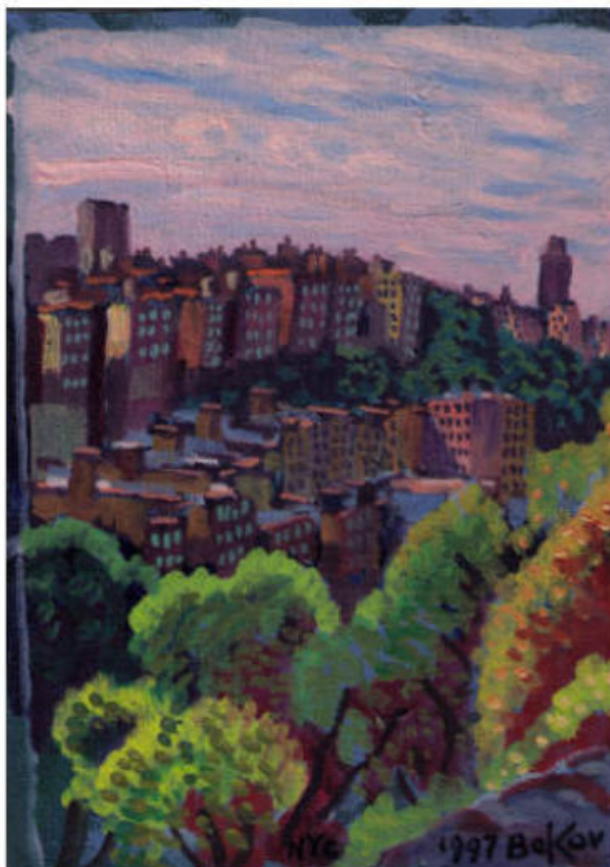
«Манхеттен. Линкольн Центр»
Холст, масло, 1988 год

«Вид из Манхеттена на Бруклинский мост»
Холст, масло, 1997год

«Дожливый день. Бруклинский мост»
Холст, масло, 1988 год

«Верхний Манхеттен».
Вид на Гарлем» Холст, масло, 1997год

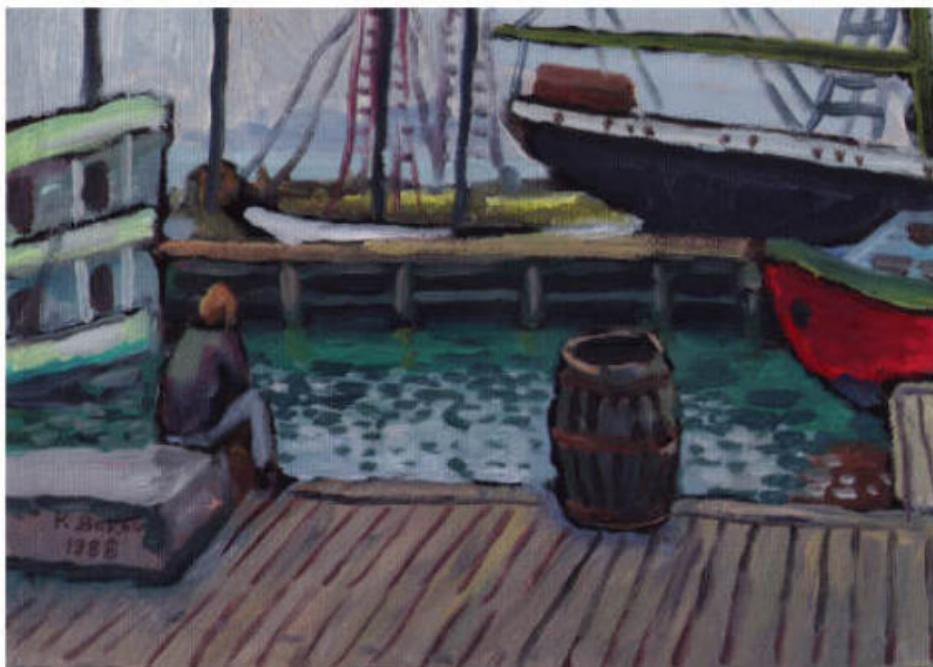
«Манхеттен. Центральный парк»
Холст, масло, 1997год

«Нижний Манхеттен. Вид с причала на Бруклинский мост»
Холст, масло, 1988 год

«Манхеттен»
Холст, масло, 1998 год

«Нижний Манхеттен. Вид с причала на Бруклинский мост»
Холст, масло, 1988 год

«Манхеттен. Кафе в Гринвич Вилладж»
Картон, масло, 1988 год

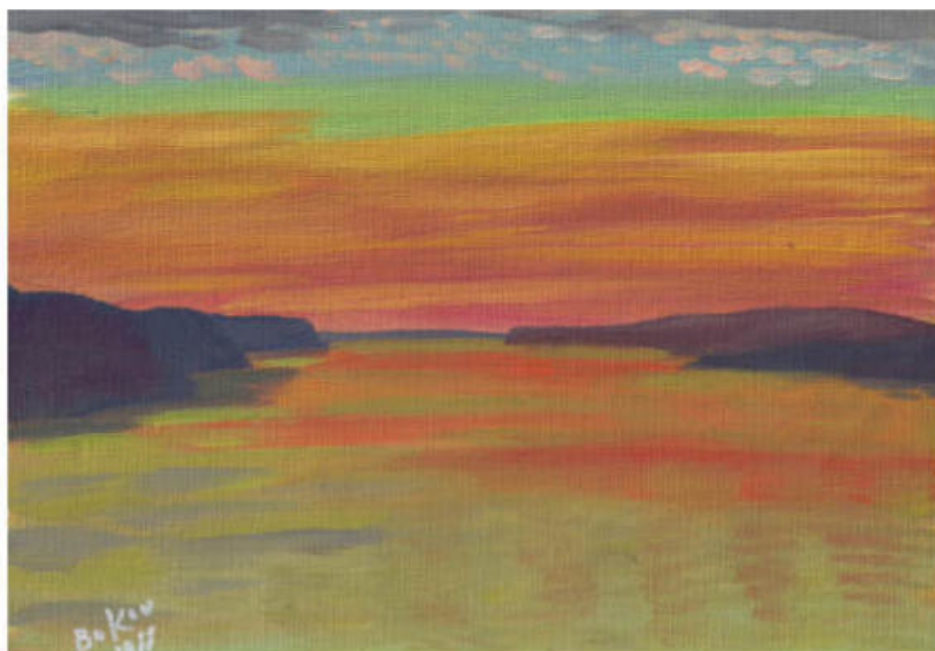
«Верхний Манхеттен. Венгерский ресторан на углу Амстердам авеню»
Картон, масляные карандаши, 1984 год

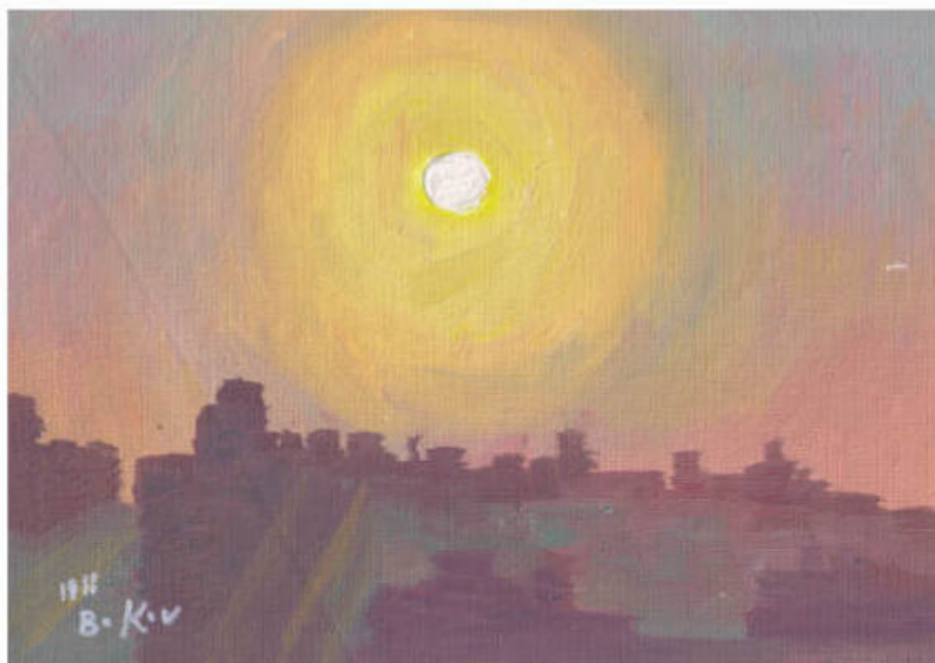
«Кампус Колумбийского университета»
Картон, масляные карандаши, 1984 год

"Верхний Манхеттен. Односемейные дома"
Холст, масло, 1999год

«Гудзон»,
Холст, масло, 1988год

«Восход солнца над крышами Манхэттена»
Холст, масло, 1988 год

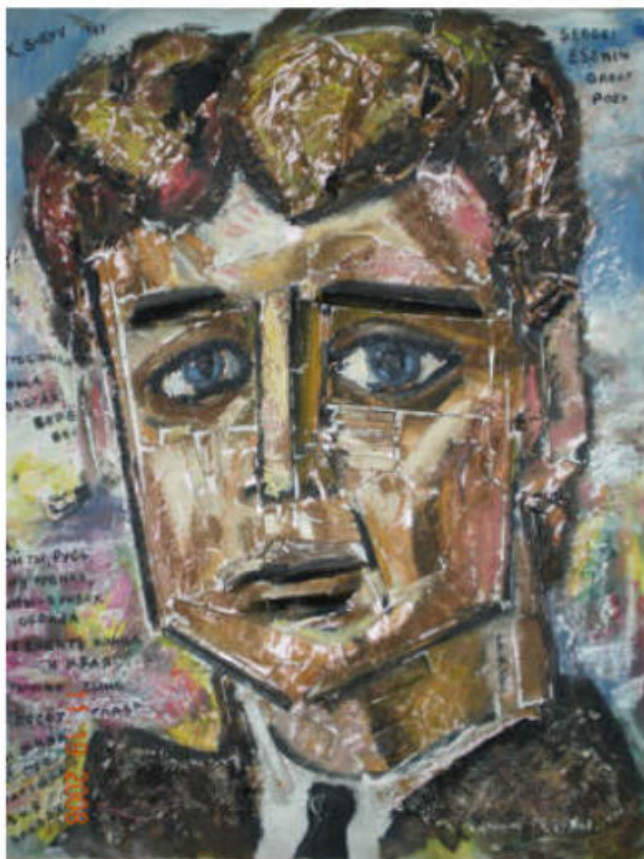
«Манхеттен. Южный порт»
Холст, масло, 1998 год

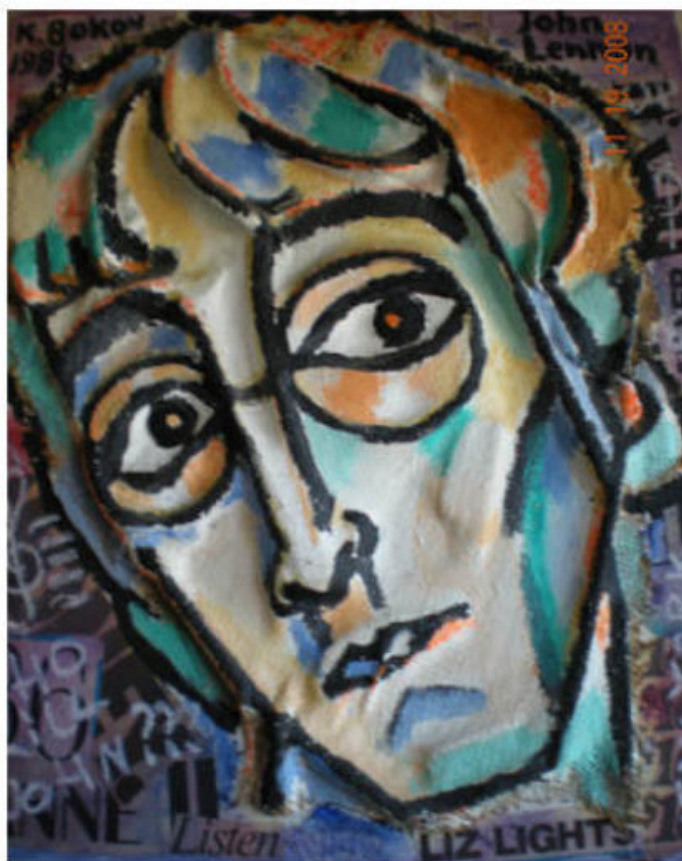
"Башни-близнецы в моей памяти. Нью-Йорк"
Холст, масло, 2005 год

"Сохо"
Холст на картоне, масло, 1994год

"Сергей Есенин, посетивший Нью-Йорк"
Картон, масло, 1987год

"Джон Ленон, живший в Нью-Йорке"
Холст, масло, 1986 год

Серия "Нью-Йоркцы. Музыкант"
Бумага, карандаш, 1984 год

Серия "Нью-Йоркцы. Ортодокс"
Карандаш, бумага, 1994 год

Серия "Нью-Йоркцы. Художник"
Бумага, карандаш, 1993 год

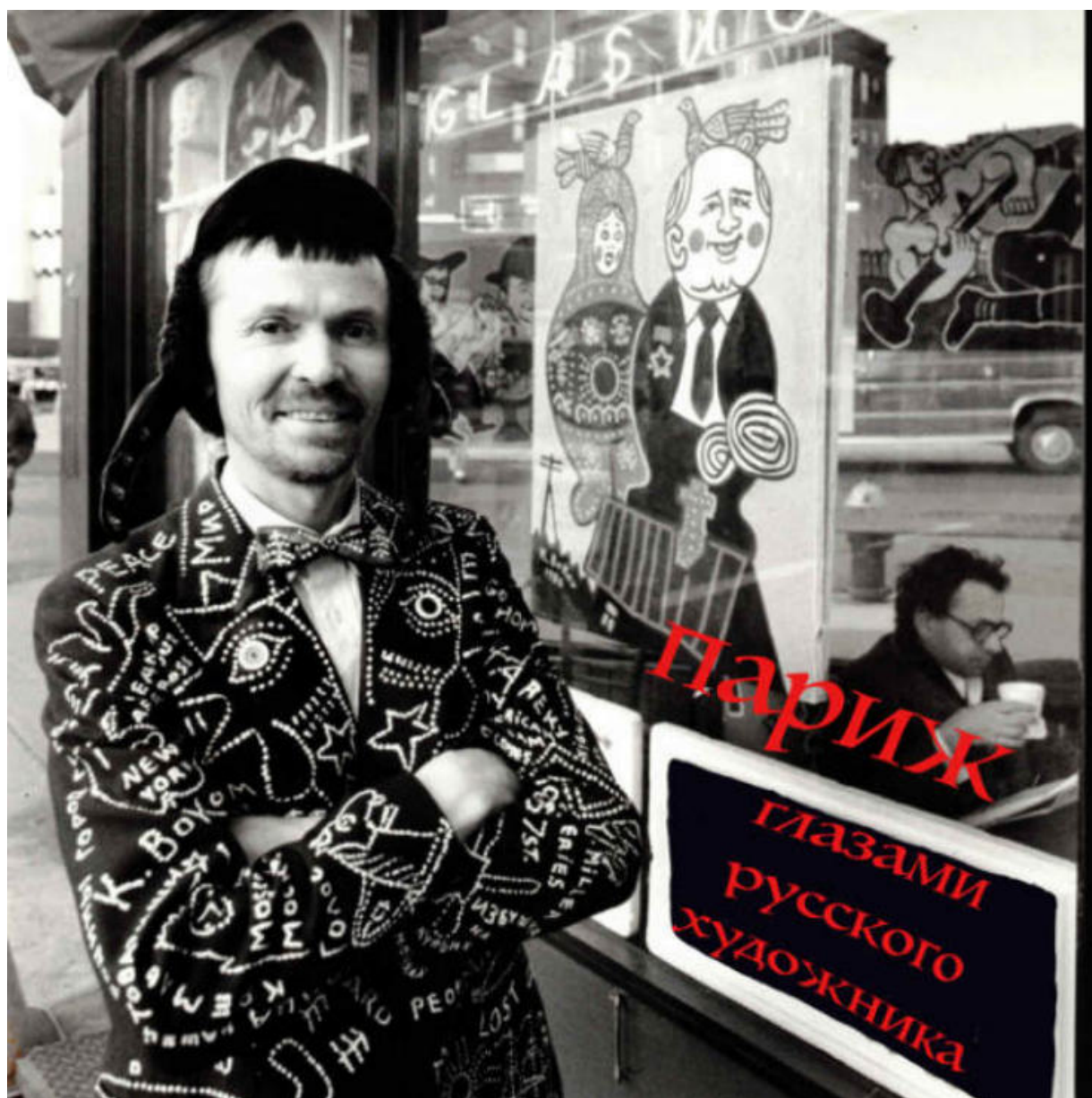
Серия "Нью-Йоркцы. Продюсер"
Бумага, карандаш, 1987год

Филипп де Монтебелло, директор музея "Метрополитен"
Бумага, карандаш, 1987год

Людмила Бокова
Бумага, карандаш, 1987год

KONSTANTIN BOKOV

"PARIS"
oil paintings & drawings

EAST WING GALLERY of COLUMBIA UNIVERSITY

FERRIS BOOTH HALL, 115 Str. & Bway, 2 fl.

August 30 - September 22, 1984

Monday - Friday: 10-6pm; Saturday: 10-6pm.

RECEPTION: Wednesday, September 12, 6-8pm.

For further information call (212) 865-1164

← Tuesday Mar 31, 1984
No Rec. Tues. Mar 31, 1984
568 5-7 PM
280 3/20
3641

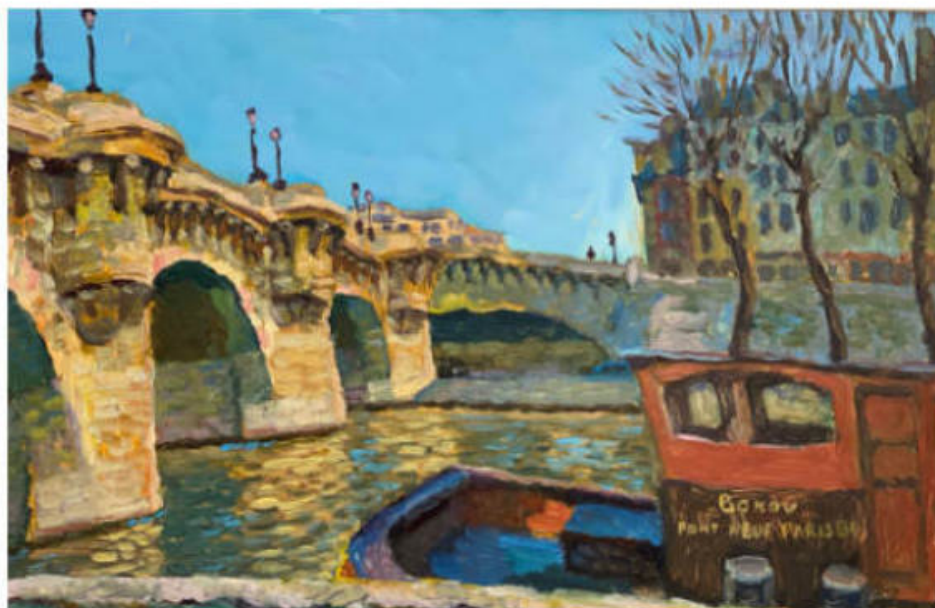
"Pont Marie. Paris", картон, масло, 1983

"Pt. De la Tournelle. Paris", картон, масло, 1984

"Париж. Сена", картон, масло, 1984

"Pont Neuf. Paris", картон, масло, 1984

"Париж. Набережная Сены", холст, масло, 1983

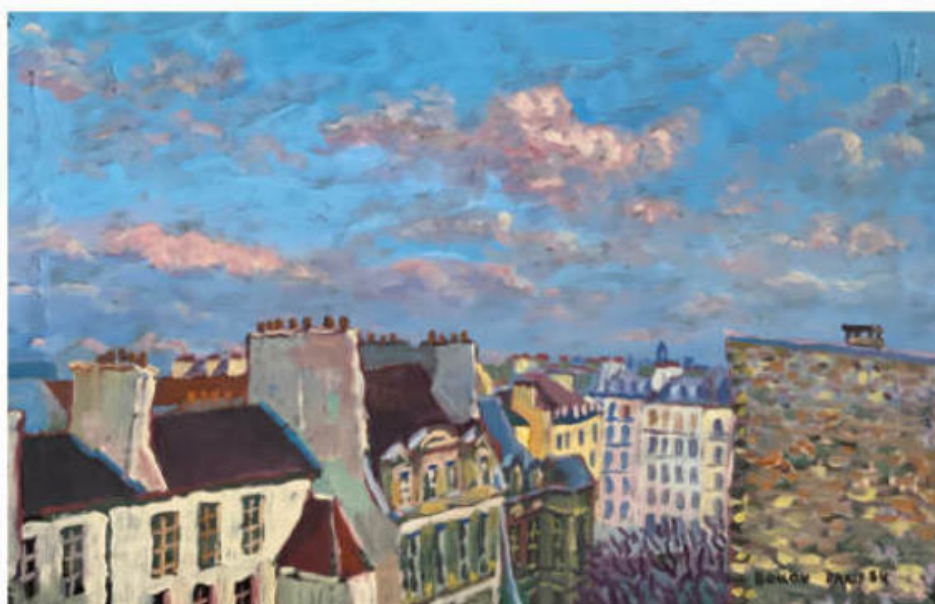
"Париж. Ранняя весна", холст, масло, 1984

"Восход солнца над Парижем", картон, масло, 1984

"Весна в Париже", картон, масло, 1984

"Парижское небо - 1", картон, масло, 1984

"Парижское небо -2", картон, масло, 1984

"Париж. Закат солнца", картон, масло, 1984

"Парижский дворик", картон, масло, 1984

“Крыши Парижа”, картон, масло, 1984

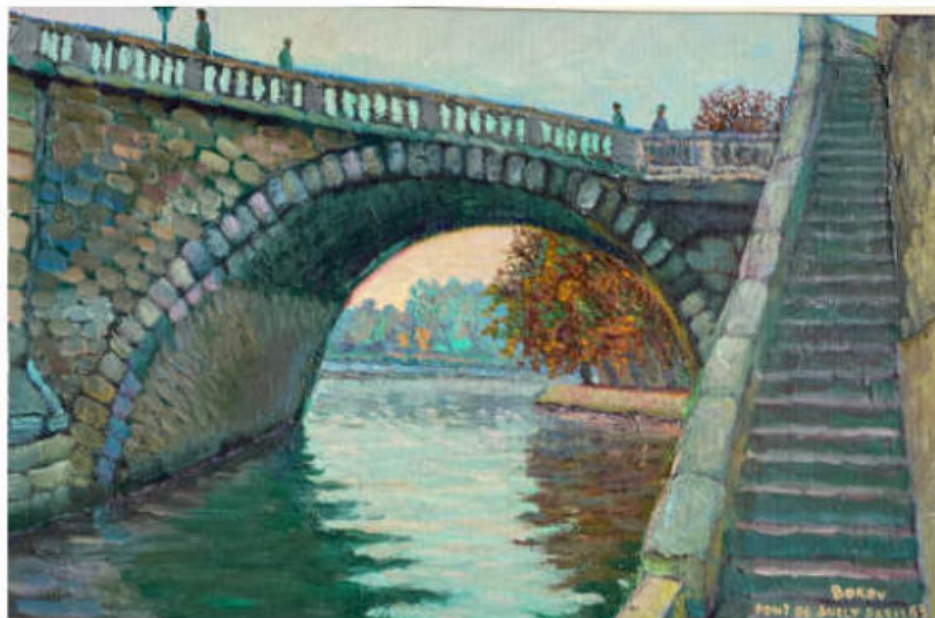
"Жилой квартал Парижа", картон, масло, 1984

"Парк на набережной Сены", картон, масло, 1984

Мост через Сену", картон, масло, 1984

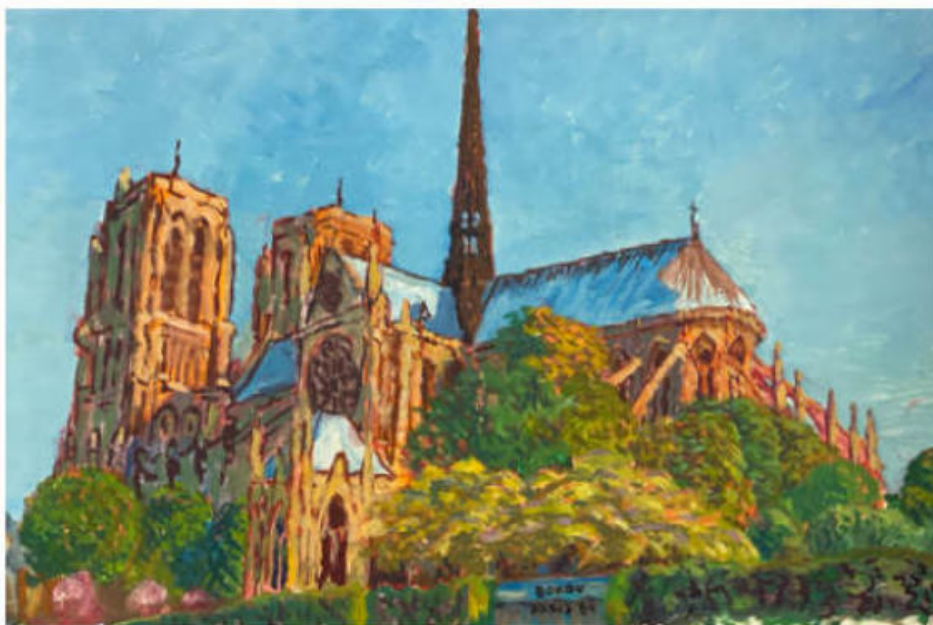
"Pont De Sully. Paris", холст, масло, 1983

"Pt. St.Louis Philippe. Paris", картон, масло, 1984

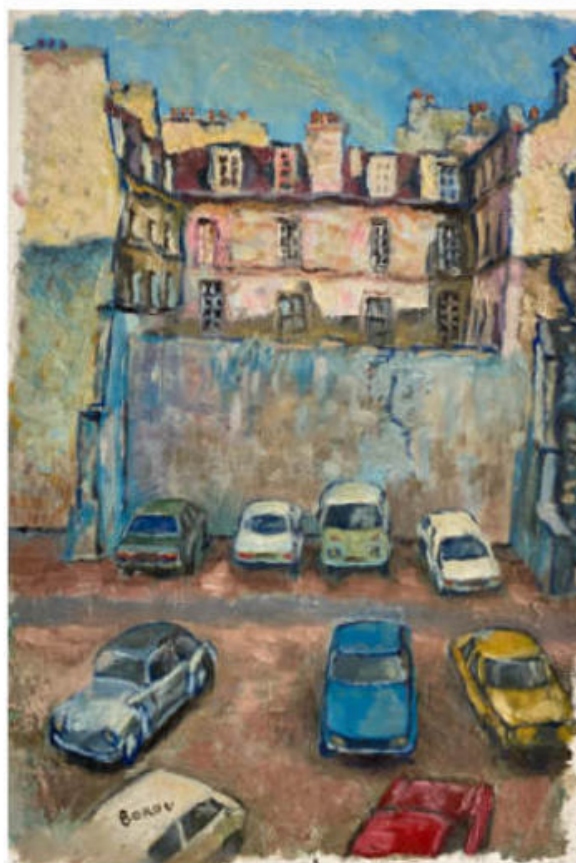
"Notre Dame-1. Paris", картон,масло, 1984

"Notre Dame-2.Paris", картон, масло, 1984

"Jardin Des Plantes. Paris", картон, масло, 1984

"Парковка на заднем дворе в Париже.", холст, масло, 1984

"Quai d'Anjou. Paris", картон, масло, 1983

"Sq. Rene Viviani. Paris", картон, масло, 1983

"L'Hotel De Ville. Paris", картон, карандаш, 1984

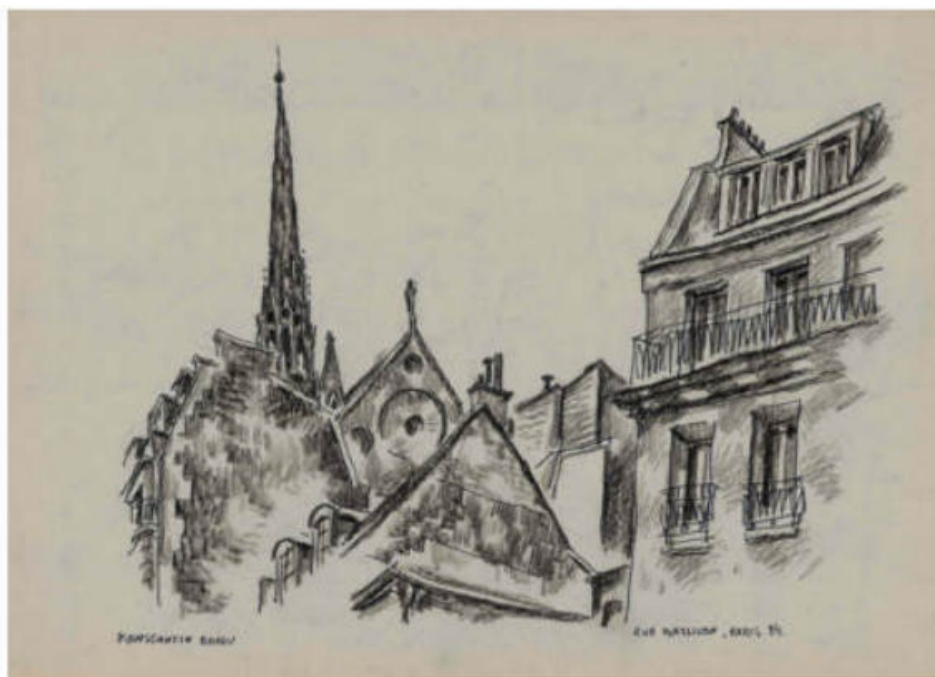
"Rue Du Petit Music. Paris", картон, карандаш, 1984

"Rue Des Grands De Gres. Paris", картон, карандаш, 1984

"127Rue Vieille Du Temple. Paris", картон, карандаш, 1984

"Rue Massilon. Paris", картон, карандаш, 1984

"Eglise Saint Gervais. Paris", картон, карандаш, 1984

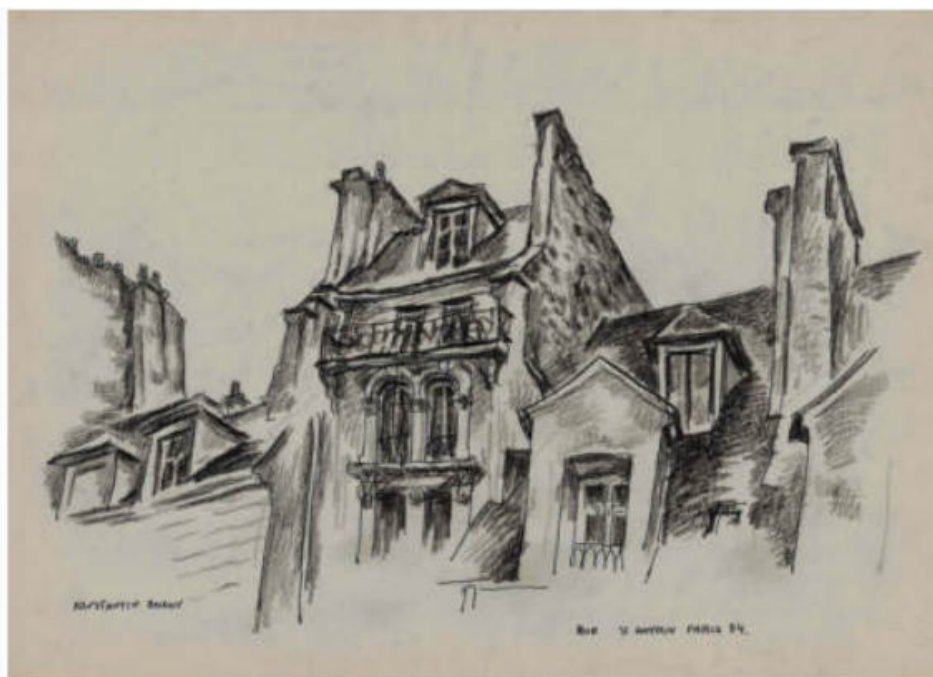
"Rue Payenne. Paris", картон, карандаш, 1984

"Square Rene Viviani. Paris", картон, карандаш, 1984

"Sq. Georges Cain. Paris", картон, карандаш, 1984

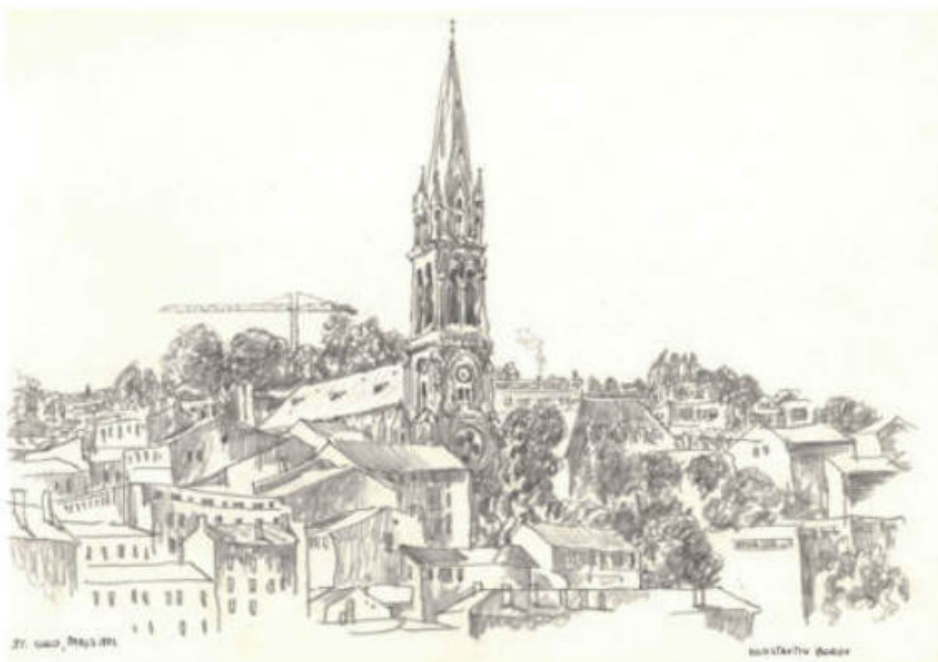
Rue Antoin. Paris", картон, карандаш, 1984

"Les Toits De Beaubourg", бумага, карандаш, 1983

"Rue Saint Julien Le Pauvre", бумага, карандаш, 1983

"St.Cloud", бумага, карандаш, 1983

"Rue Alfred Savoure", бумага, карандаш, 1983

"Opera. Paris", бумага, карандаш, 1983

"Musee National Des Techniques, Paris", бумага, карандаш, 1983

"Pont Neuf. Paris", бумага, карандаш, 1983

"Quai D'Anjou. Paris", бумага, карандаш, 1983

"Paris. Cite Du Sacre Coeur", бумага, карандаш, 1991

"Les Toits De La Rue Greneta. Paris", бумага, карандаш, 1983

"Ville De Saint-Cloud. Paris", бумага, карандаш, 1984

"Парижане. Уличное кафе", бумага, карандаш, 1984

Константин Боков

Paris 84.

“Парижане. Читающий книгу”, бумага, карандаш, 1984

"Парижане. Уличный музыкант", бумага, карандаш, 1984

"Парижане. Уличные музыканты", бумага, карандаш, 1984

"Парижане. Художник.", бумага, карандаш, 1984

KONSTANTIN BOKOV

PARIS 83

"Парижане. Задремал", бумага, тушь, 1983

"Парижане. Рисующий на улице", бумага, тушь 1983

"Парижане. Бездомный в библиотеке Центра Помпиду", бумага, карандаш, 1984

"Парижане. Художник", бумага, тушь 1983

Арт объекты

Art from N. Y.

故郷ロシアに思いを馳せる
BOKHOVの道芸術。

Константин Боков на открытии своей персональной выставки
В галерее Ван Дер Плас, Нью-Йорк, 2015

“Мой учитель Ван Гог”, холст, дерево,масло, 1986

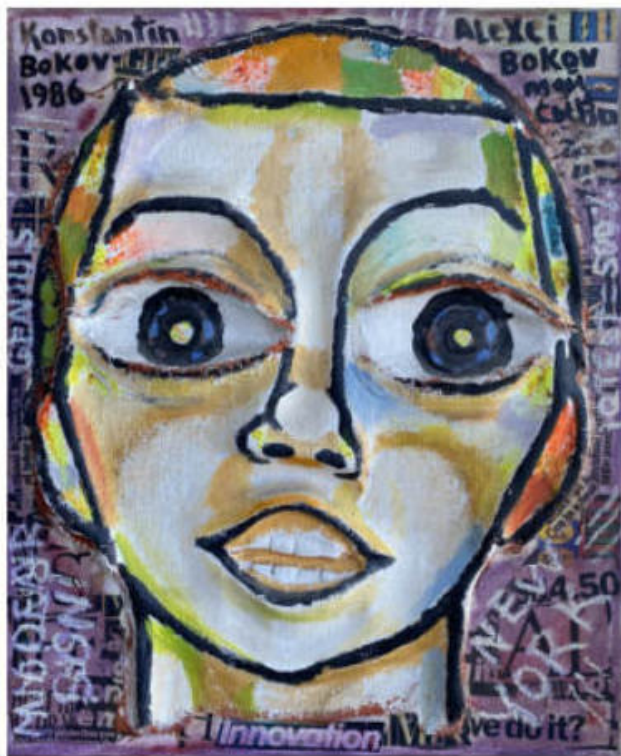
"Палитра Ван Гога", инсталляция, смешанная техника, 2015

"Палитра Бокова", инсталляция, дерево,масло, 1996

"The Hall of Fame", инсталляция, смешанная техника, 2008

"Портрет Алексея Бокова", холст, масло, 1986

“Инопланетяне в Центральном парке”, коллаж, бумага, смешанная техника, 1978

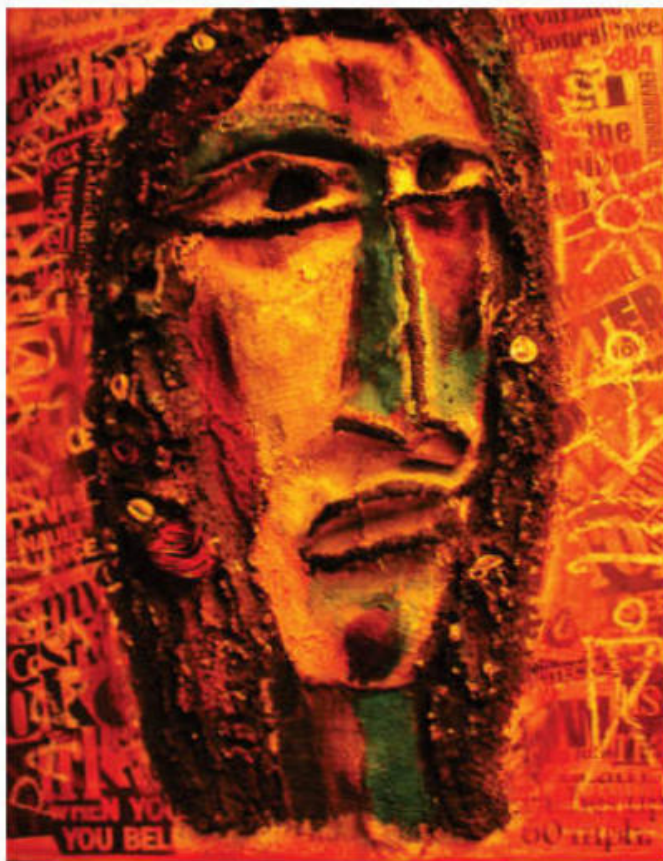
“Расставание”, коллаж, бумага, смешанная техника, 1978

"Розовый восход", коллаж, бумага, смешанная техника, 1978

“Рандеву”, коллаж, бумага, смешанная техника, 1980

"Подражание А.Явленскому -1", холст, масло, дерево, смешанная техника, 1985

"Завтрак", бумага, коллаж, 1983

"Ночной имидж", бумага, коллаж, 1983

"Интересное положение", пластик, масляный карандаш, 1988

"Штиль", пластик, масляный карандаш, 2009

“Колесо фортуны”, инсталляция, 2008

"Ковбой", инсталляция, 2015

"Пять долларов от Бокова", дерево,масло, 2007

"Долгоиграющая пластинка", инсталляция, 2006

"Рыбалка на высшем уровне", инсталляция, смешанная техника, 1994

"Рыбы в Гарлем-реке", инсталляция, смешанная техника, 1999

"Попугай", дерево, масло, 2017

"С Днем рождения", дерево, масло, 2013

"Жучило светило проглотило", инсталляция, смешанная техника, 2010

"Купание", инсталляция, смешанная техника, 2013

"Ключ от сердца женщины", инсталляция, смешанная техника, 2001

"Пират", дерево, масло, 2019

"Месяц ясный", инсталляция, смешанная техника, 2002

"Желание", инсталляция, смешанная техника, 2003

"Въезд в Иерусалим", дерево,масло, 1987

"Любовь", пенопласт, масло, 2006

"Крест", инсталляция, смешанная техника, 2008

"Распятие", инсталляция, смешанная техника, 2009

"Христос", дерево,масло, 2008

"Ангелы", коллаж, бумага, 1979

"Богородица", инсталляция, пластик, ткань, масло, 2004

"Ангел", дерево, масло, 2018

"Иверская икона Богородицы", смешанная техника, 2007

"Владимирская икона Богородицы", дерево,масло, 2011

Парковая инсталляция, Вашингтон Хайтс, Нью-Йорк, 2000

Уличная инсталляция, Нью-Йорк, 2000

Константин Боков у законченного арт объекта, Нью-Йорк, 1989

Джон Хокс
3.12.1989

Работа по созданию арт объекта на берегу Гудзона, Нью-Йорк, 1989

Арт объект в парковой зоне. Вашингтон Хайтс, Нью-Йорк, 1989

За работой. Дружеские шаржи, Нью-Йорк, Сохо, 1990-е

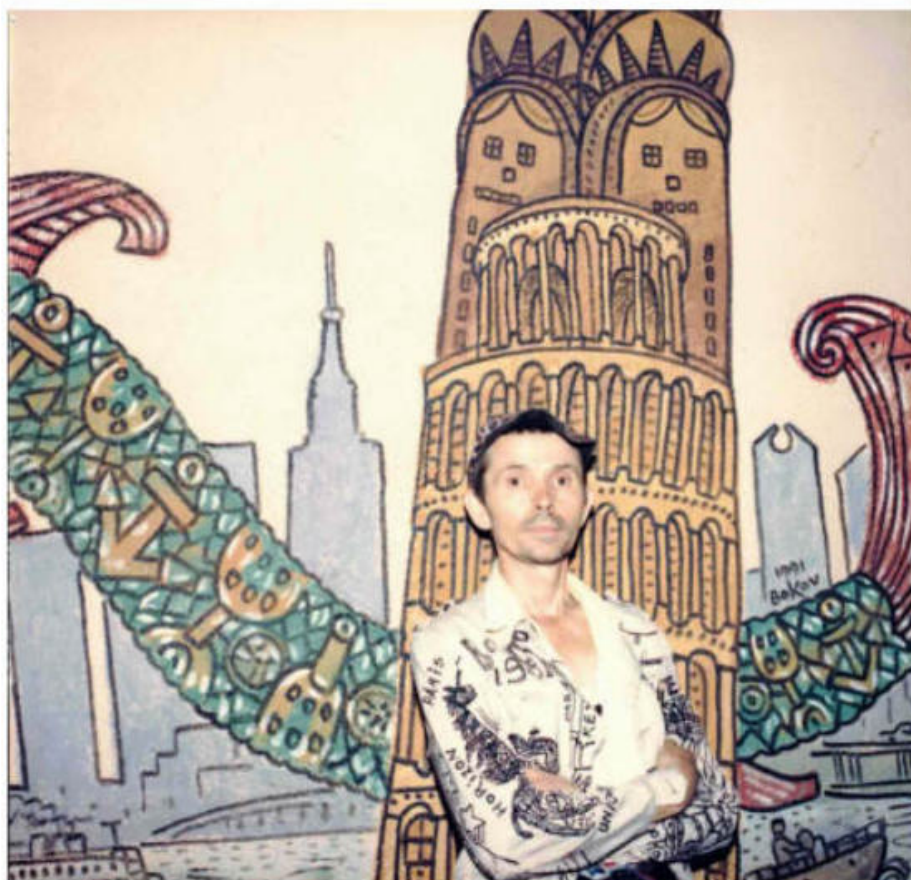
Оформление интерьера в кафе "Гласность", Нью-Йорк, Гринвич Вилладж, 1988

Презентация дружеских шаржей в клубе поэтов "Форум"
(в помещении ресторана Sardi's), Нью-Йорк, 1985

Фреска в ресторане Эль Хаус, Нью-Йорк, Гринвич Вилладж, 1986

Фреска в ресторане Эль Хаус, Нью-Йорк, Гринвич Вилладж, 1986

ИМИДЖ
как
перформанс

Эдуард Карлов

ХУДОЖНИК

В нью-йоркском чреве декабря
я встретил Костю Бокона
с горящим взором дикаря,
худого, одинокого.

По льду звенели каблучки
накижного классика,
и засветился штрих руки
с куском кривого пластика.

Он жизнь исследовал пешком
меж войнами и драконами,
дружил с крохливым петушком
и с грозными собаками.

Отчаянно переживал
отсутствие общения
и фанатично не желал
себе обогащения.

Для Кости был Винсент Ван Гог
ключом для вдохновения,
но предрешает только Бог
судьбу любого гения.

Когда вскинул девятый вал
святого дарования,
художник кистью колдовал
и жаждал сострадания.

Как шут, идеям соря,
он жил, играя нервами
без дат и лет календаря,
нонконформизм боготворя,
свой рай по-своему творя,
и мир дразнил шедеврами,
рожденными из вторсырья.

2012–2014

Один из вариантов авторского пальто Константина Бокова, 1980-е

Авторский пиджак "Битва кентавра с попугаем" К.Боков, Нью-Йорк, 1997

Константин Боков на открытии персональной выставки, Нью-Йорк, 1998

На выставке. Нью-Йорк, 1998

На выставке. Нью-Йорк, 1998

На выставке. Нью-Йорк, 1998

Константин
Боков
в истории
современного
ПопАрта

фото
пресса

Николай Боков

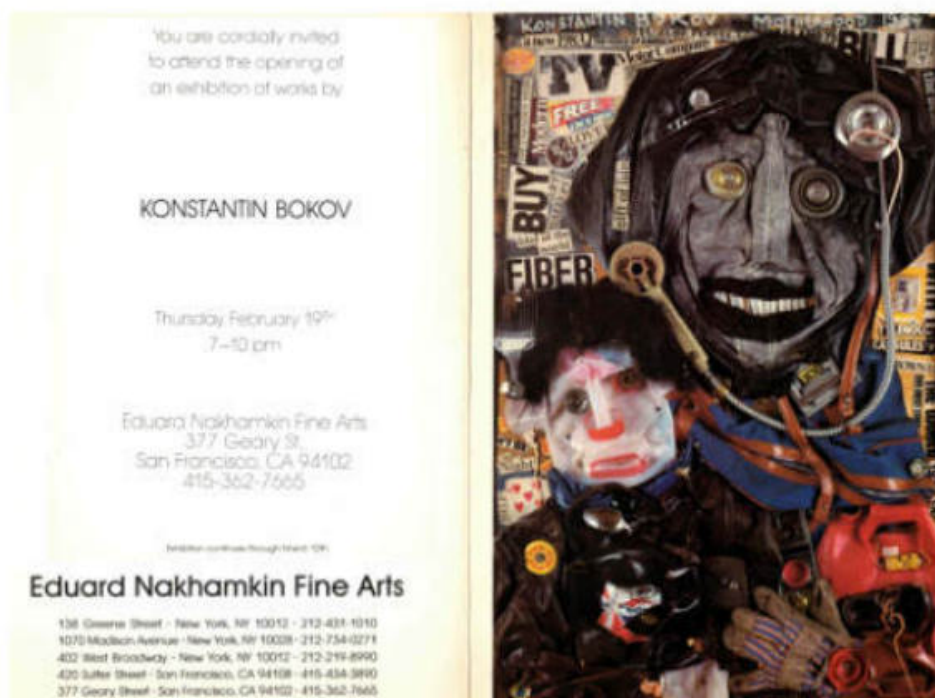
(1945–2019)

Элегия

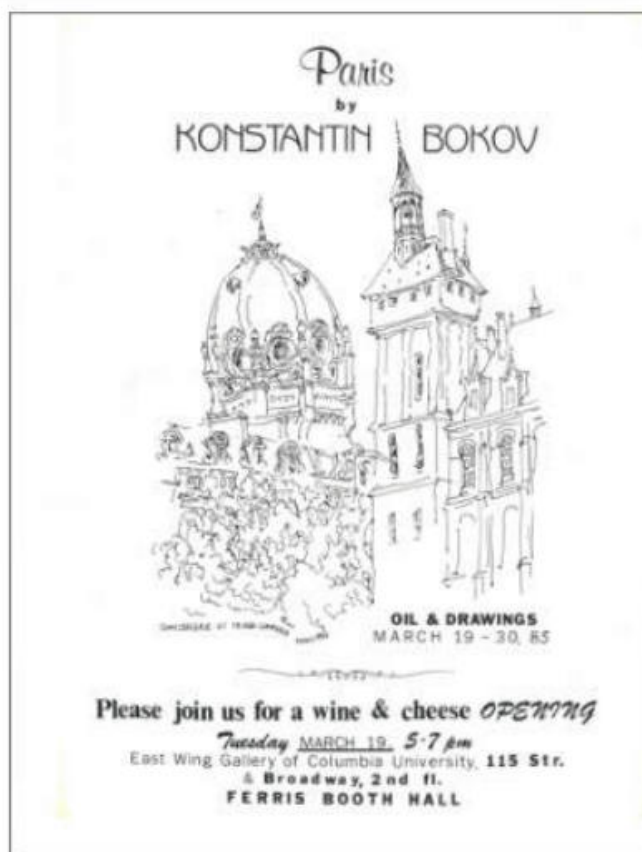
(на отъезд брата)

Как!
Ты покидаешь все пределы эти?
Но что, скажи, тебе мешало здесь
Спокойно спать и есть
Рассыпчатую польскую картошку
Искусную японскую утеску –
Персидскую подкармливая кошку, –
В цейлонский чай кубинского накладывать песку?
Не спору: не было картофеля подчас.
Но Родина! С нас не сводила глаз.
Ты мог бы, может быть, и комнату снимать
И нэ-о-мортирисовать.
В Америке уж не найти такой природы:
Сосед, весь мёртвый после политуры.
Ты возражишь: стоял под пистолетом.
Так это же о том пеклись художник.
Чтоб не ходил дорогой ложной!
Ах, ты не понял, ох, не оценил,
Билет на самолёт купил!
Уж участковый
Не придёт делиться
Своими мыслями о школах живописных,
Мундиром похваляясь новым, –
Тебя умчал аэроплан, как птица!
И невидать тебе повесточек отныне,
Как маленьких ушей своих,
А впрочем, и чужих: Больших.

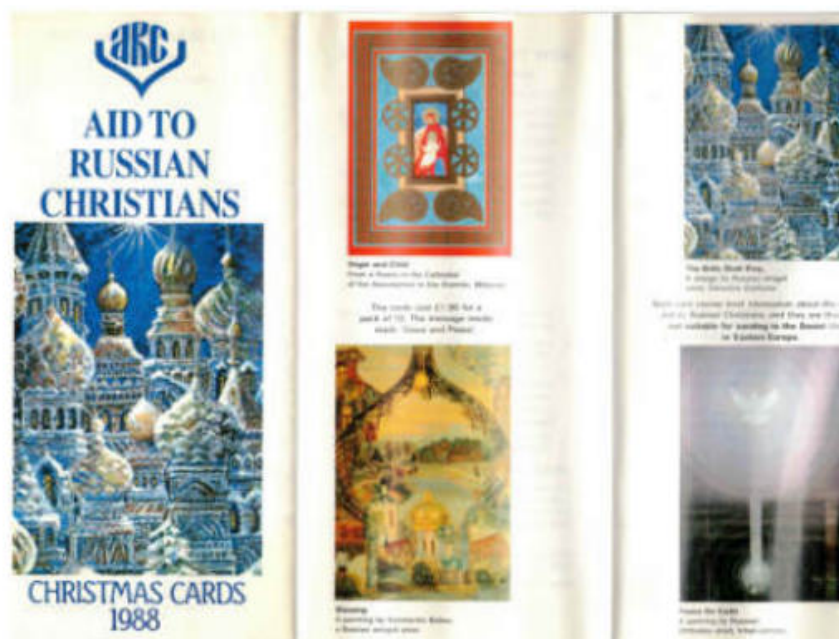
(в ночь на 21.9. 74 г.)

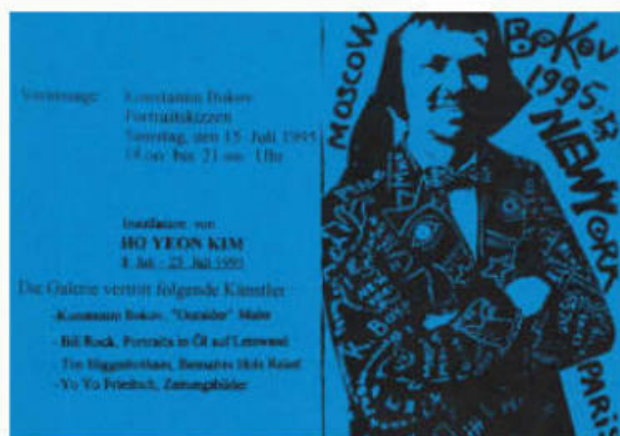
Приглашение на персональную выставку К.Бокова в галерею ЭдуардаНахамкина, Нью-Йорк, 1984

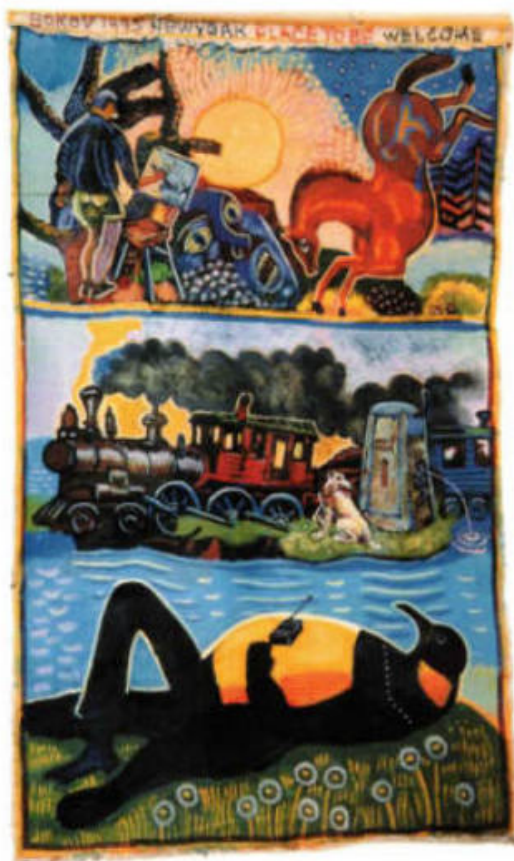
Приглашение на персональную выставку К.Бокова в Колумбийском университете, Нью-Йорк, 1985

Работа К.Бокова "Blessing" на Рождественском благотворительном аукционе в помощь русским христианам, Англия, 1988

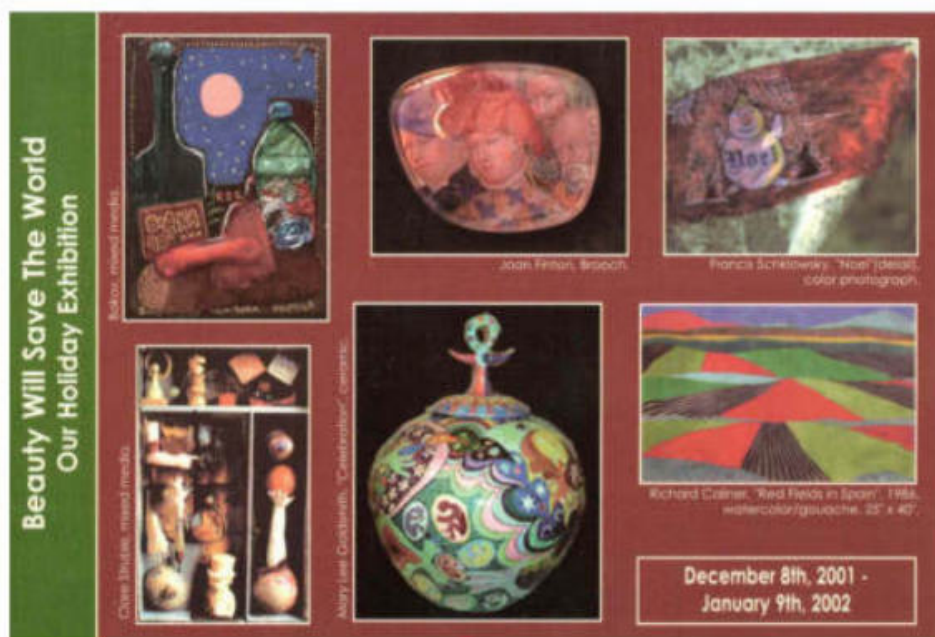
Приглашение на вернисаж с участием работ К. Бокова,
куратор Е. Кемеке, Потсдам, 1995

Приглашение на персональную выставку К.Бокова RESYCLED NEW YORK в магазине
плаката Филиппа Вильямса, Нью-Йорк, 1999

Приглашение на персональную выставку К.Бокова
В галерею Татьяны Грант, Нью-Йорк, 2000

Приглашение в галерею Моник Голдстром на выставку с участием К.Бокова,
Нью-Йорк, 2001

Konstantin Bokov

A collection of paintings, drawings & sculptures

From January 27th-February 16th

Opening Reception February 5th

Passionate and creative, Bokov, a quintessential outsider, has long fascinated New Yorkers in DIY public installations with his whimsical style and endless imagination, earning him a devoted following.

Over the course of his 60-year career, Bokov's artworks have been featured alongside artists such as Jean-Michel Basquiat and Keith Haring. The artist has been exclusively with Van Der Plas Gallery for over 35 years.

van der PLAS GALLERY
156 Orchard Street, New York, NY 10002
(212) 227-8882

Приглашение на открытие персональной выставки К.Бокова, посвященной 60-летию его художественной карьеры, в галерее Ван Дер Плас, Нью-Йорк, 2015

Работы К.Бокова в экспозиции Fine Art a la Carte, Inc., 2003

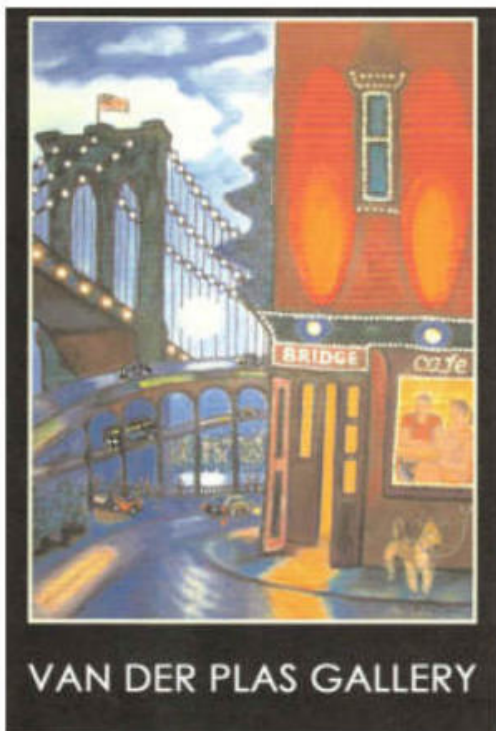
winter greetings

from

Fine Art 'a la Carte

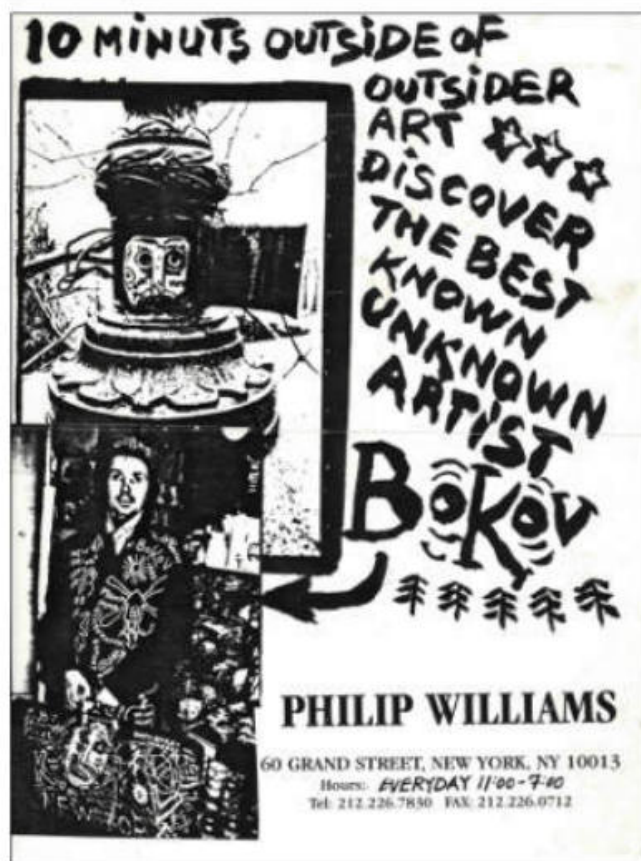
Pier 17 South Street Seaport

212.766.4954

Konstantine Bokov "Hi-tek Rudolf"
"recycle" piece 2002

Почтовые открытки с изображениями работ Константина Бокова, 2003

Выставка OutsiderArt, Нью-Йорк, Сохо, 1989

Брошюра куратора Анны Гессен о творчестве Константина Бокова, 1999

In life and art Konstantin Bokov has apparently found himself acting the mediator between different cultures, nations, mythologies, and art movements. A painter, "junk" artist and collagist, Bokov makes the recycling of cultural and industrial waste the central theme of his work. Since his emigration 25 years ago, Bokov has been wandering the New York streets, between the upper edge of the city, creating his artwork from slums, piers and ugly, if fecund, industrial junk-heaps, and then taking the endless train-ride to the art market of SoHo, where his art sells.

SoHo, 1988. Oil on canvas.

Bokov's biographical data—which no one is willing to check for it fits so well with his charismatic self-portrait as a dedicated visionary artist—are scarce, and yet may provide some background for preliminary interpretation of his work and eccentric

behavior. Almost 25 years ago the artist was expelled from the Soviet Union, only to begin starving in New York when his sponsoring fund withdrew its support after the first two months. Back in Russia, he says, "he was unsurpassed in life drawing" and preferred the impressionist style of painting. Bokov recalls how a perpetually drunken police detective, charged with supervising the ideologically unreliable artist, would call on Bokov for a drink, and also to inquire if he wasn't going to defect to the United States. Bokov's difficult emigration seems to have left him conscious of the humanistic/religious mission toward Western civilization, unaccomplished in a thousand years by his defaulted country. Like most Europeans, in other words, Bokov has a problem with the vulgarity of American commodity culture; but if his art does not actually point us to an utopian future, it may suggest, through a skewed verbal and visual syntax, a more realistic appraisal of the time and space we actually inhabit. In any case, Bokov has laid the groundwork for his critique of American phoniness by casting himself in the role of authentic artist with a faith and consistency that insists his art be taken in the same vein.

For to meet Bokov is to find out what he does not have: a phone, an alarm-clock, the assurance that he won't soon be evicted from his apartment somewhere beyond Harlem. He wears a black jacket painted with white angels and skyscrapers, and is ever ready to preach on macro-philosophical subjects: what is art (inspiration), what is the twentieth century (a parasite), etc. He would never let me interview him, because the words "interview" and "deadline" make him conscious of the effort to drag him back into the game. This past year a long-term friend and patron used his connections to land Bokov a \$50,000 commission to paint a mural for a midtown advertising company. Just to see Bokov in his painted rags among the suit-and-tie publicity people would be worth \$50,000, but, without any grandiloquent self-justification, Bokov simply failed to show up. In his lifestyle—or anti-lifestyle—Bokov follows the grave example of those semi-mythological Montparnasse figures, who starved and painted, and never worked a day. Like them, Bokov likes to picture his death under the bridge Pont-Neuf in Paris. Unlike them, Bokov is not young, or cynical, or boisterous. Bokov is not surrounded by friends, fans or co-thinkers, either,

and his utter loneliness makes him all the more courageous, makes his project all the more compelling. Without ever saying it in so many words, Bokov stakes a claim to authenticity, and, consequently, to Art, with which he opposes the inauthentic and alienated being of American commercialism.

Still-life with Pepsi Can and Pear, 1994.
Oil on paper.

The most characteristically Bokovian creations are his "recycle" pieces, yet another study in authenticity. Consisting entirely of trash-heap refuse—parts of furniture, toys, dishes, this Recycle Art literalizes the metaphor once ascribed to Anselm Kiefer's art, that is, "the reconstruction of a coherent image of the world from the fragments and shards left to us by history." With Bokov's help, "shards and fragments" regain their shattered dignity and get recycled into a new

wholeness without ceasing to be junk. Strictly speaking, each collage is a rearranged trash pile, with a secondary form—which is an art object—imposed on it by the artist. However, every item in the collage bears a memory of its time in trash-pile formlessness, and this gives the work an air of ephemerality, as though it could disassemble back into formlessness at any moment. In such a way, Bokov remains faithful to the rhetoric of authenticity: unlike industrial recycling, he does not make use of false pretenses by reincarnating junk into *non-junk*. Nothing, in this view, can be more humiliating than industrial recycling's marring of its products with the 100% *Recycled* stamp. Bokov's recycle world is free from such trash in disguise: its dignity is guaranteed by the claim of authenticity, and the most menial part of it has the right to participate in art.

Furthermore, the first and often last display for a number of Bokov's collages is the dismal setting of the Hudson River piers: all sorts of vertical construction leftovers face the waterfront, on which Bokov can hang his art—he calls this his gallery. A number of recycle monsters can also be found, intricately placed, on the streets in SoHo or Riverside Park. It is hard to be sure what Bokov means by this:

people who pick up his "lost art" may think that this is just self-promotion; it is also the simplest way for Bokov to resist commodification of his art. It may also be considered part of the Bokov Show; the first two acts being the collection and re-arrangement of the junk, the third its return to its native environment.

Statue of Liberty. 1992. Car fender, industrial bottle caps.

Bokov has created a performative form of junk art that does not survive the museum, but can only exist in the open street or park space. This is because the artistic form that Bokov forces on junk is frail and transparent; it only becomes obvious when placed along with other junk—unprocessed—but is completely lost in a more refined environment.

If Duchamp showed that the museum transforms anything into art, then Bokov's recycle pieces prove that the opposition museum-street is reversible, and the street, in his case, although stripped of all the tools of estrangement inherent to the museum—glass cases, frames, guards, admission fee—is the only guarantor of the objective wholeness of his art work.

The inhabitants of Bokov's recycle world are the monstrous and grotesque Recycle Man and Woman. They are representations of the people Bokov lives amongst: contemporary Americans who nurture their body and spirit entirely on junk. The insistent literalness of Recycle Man—the music he listens to (Puff Daddy remixes, presumably), indicated by a musical note next to his ear, the emptiness of his gaze, indicated by dotted lines departing from his eyes which wander the junk space of the collage and end up nowhere, or at a billboard advertisement (I Love New York), the drink he sips, represented by a crushed, dirty pear nectar can that looks like it's been drunk by hundreds before him, and our look into his bowels, filled with buttons and bottle caps—creates a certain anti-propaganda to counter the only slightly less literal

embellishments of popular advertisements for the Beautiful People.

Motobiker, 1991. Soda cans, metal shards, etc.

According to Bokov, the typical Recycle Man constantly plies his mantra, words written in white paint here and there over his face and body: "IQ Test OK; Healthy 100%; Recycle! I Love New York." The last remark (I Love New York) is recurrent in Bokov's most bizarre images. Even on masterful sketches of bums—who ostensibly have little to thank the City for—they hold, or sleep on, or read from plastic bags

with the same proclamation of love on them.

Recycle Man. 1992. Plastic container lid, plywood, etc.

The recycle monsters apparently owe a couple of things to NYC—namely their excellent health, sufficient IQ, and, most importantly, the very stuff they have been made of. In return, they have surrendered their bodies to provide space for advertisement.

In the case of *Recycle Woman*, Bokov appears to be a feminist more aggressive than Barbara Kruger herself. *Recycle Woman*'s rectangular wooden box is divided into two cells. In the first cell her gigantic plastic head is confined, with round bloodshot eyes and dots of white paint all over—

probably, tears. The head is contained separately from the rest of the body which seems to have been also violated. The disproportionately small body has been stripped of all clothing except her stockings; being rather big for its cell, it has to crouch uncomfortably to fit the space; to make things worse, the body is trying to conceal its breasts and turn around. As if to mock her effort, a tiny magazine cutout of a smiling nude torso has been placed in the upper left corner of the cell. The body is nailed to the wall of the cage by a heavy bolt, where her navel should have been.

Recycle Woman. 1992. Wooden box, rubber shard, magazine clipping, industrial bottle caps, etc.

The work involves none of the hypothetical female masochism that takes place in Kruger's images. The *Recycle Woman*, hurt and humiliated, is perfectly passive; unlike the *Recycle*

Man she does not say anything, but it looks as if she is screaming in pain—wordlessly. On the wall of her cage, though, I Love New York is written in black paint.

Despite the powerful combination of a feminist message with abstractness and minimalist technique, this image should not be counted among the contemporary feminist art masterpieces. Bokov portrays a modern woman's mistreatment out of Old World pity and chivalry—both feelings particularly condemned by feminists. He pities the Recycle Woman, because the treacherous Western world has taken advantage of her feminine weakness and tells lies about her unhappiness in men's magazines.

Bokov's canvases likewise put a grotesque and ironic spin on popular icons. Their primary labor is the steady and vicious estrangement of the images that populate our culture. Thus smiling politicians, ubiquitous pornographic cutouts, UFOs, and the incongruous *I love New York* signs (on a plastic bag carried by a penguin), along with other random though always prohibitive text ("No," "Parking," "Police"). In *Civilization* a giant red squirrel is drinking Coke through a straw in the moonlight, but

its silhouette resembles the iconographic sax player, also under the moonlight. We share the artist's surprise—his dismay!—as the attempt to conjure an original and idiosyncratic image is transformed before our eyes into the hackneyed saxophonist.

Civilization. 1997. Oil on canvas.

Or the squirrel with the Coke is Bokov's environmentalism, an image of nature partaking of human junk—which, however, could just as easily be Bokov's pitch for Coke's new advertising campaign ("Squirels know what to enjoy after a long winter"). In the latter case, we see the

interchangeability, the efficiency of mass marketing—like a movie set, the saxophonist can be taken apart, recycled, into the Coke ad, and vice versa ad infinitum, so that nothing, at least nothing that cost money, is ever fatuously wasted. Bokov's canvases in this way push past the grotesque into the absurd, the familiar cut-outs floating free of any meaning except their own reiterated ugliness.

Though never reinforcing his canvases with anything beyond his own charisma, Bokov nonetheless admits that before emigrating, he painted "pretty" impressionist landscapes and portraits—this, in a country plagued by environmental and health disasters which dwarf any the United States has encountered. We can therefore situate Bokov's painting as an expression of resistance: in a blighted homeland, beauty; in a complaisant, wealthy America, ugliness. In George Bataille's definition of the terms, "beauty is always the result of resemblance. Meanwhile, ugliness (like formlessness) resembles nothing." It is by its refusal to adopt standard forms that Bokov's work places us outside the normal and distances us from biological monotony. As modern art shunts the reproduction of similarity,

Bokov—after Picasso?—violates the law of the Beauty Industry.

An earlier predecessor in the depiction of monsters is the 15-century Dutch painter Hieronymus Bosch, who mediated the ugliness of all his figures by miniaturizing them. Bokov's recycle people initially seem "cute"—as in, "How cute, that Bokov has made people out of trash."

Recycle Man, 1992. Industrial caps, plywood, metal shard.

But further inspection reveals their unremitting ugliness: the dirty nectar can, the bulging lid-eyes, the huge wooden teeth made of piano keys. Whereas an aesthetic of ugliness is supposed to exist side by side with an aesthetic of beauty, Bokov's work posits a world where only a thin layer of "cuteness" guards us from true

ugliness; and the viewer's complicity in the crime is achieved when he continues to stare after realizing that the recycle people aren't "cute" at all.

The alienation of the sign from its referent becomes painfully conspicuous when Bokov attempts to give form to some of his most cherished emotions. His major canvas *NOSTALGY* ostensibly gives way to his unredeemed homesickness and is divided vertically into four parts: the ubiquitous arched bridge; a group of penguins looking in astonishment at their fellow whose breast shows a clock face; a Monet woman with a parasol and a golden lion at the front; another line of aqueducts emerging from blue waters. Vibrant cheerful colors prevail, the whole thing looks like an illustration for a children's book.

The painting is a slap in the face to the more earnest treatment of nostalgia that Bokov wore out in the first years after his immigration: a maudlin Russian landscape with a floating self-portrait. In *NOSTALGY*, produced in 1992, Bokov no longer believes that emotion can be communicated. The tormented artist wished to share none of his torment with anyone who could understand. These images—if symbols—seemingly stand for no idea;

as signs they refer us nowhere, even the words in the title ring false, disfigured by spelling mistakes in both English and Russian. On the other hand, had Bokov painted some birch trees and a Russian Orthodox church, one would have felt humiliated by such flatness. Unable to give his meaning without defacing it with cliché, Bokov disfigures the spelling of the concept and falls back on authenticity. The painting presents the meaningful absence of nostalgia itself and, with its main subject missing, makes the spectator keenly aware of birch trees and churches, which, if we believe Bokov, may exist in some ideal world, an authentic world from which simulacra is banned, where things are actually as they are, a world, in other words, that is not for us.

Still-life with Shell, 1992. Oil on paper.

Anna Gessen, Curator

THE NEW OUTSIDERS

Street-smart art in the public's eye.

These days grassroots art enthusiasts can find, on plain air, a savvy new crop of art movers and shakers taking to the streets like peanut butter to jelly, and with equally irresistible allure.

The dog run in Washington Square Park, for example, may not be the obvious place to start building a collection, but take my word for it: it is. Here, the casual art lover can discover the latest work of a Russian émigré named Konstantin Bokov. This genial person, who lives in the Bronx, is a natural-born killer of a street artist — a formally trained painter with the soul of a true primitive. For years now, Bokov has made art from recycled materials: he retrieves from curbside trash — discarded paintbrushes, Coke-bottle labels, broken cameras, doorknobs, plastic caps, and the like — which he fashions into truly engaging panel paintings and sculptures. He sometimes shows in galleries — principally in Philip Williams' poster shop at 80 Grand Street — and in restau-

Bokov art

rants like Nozmo King, but for the most part he exhibits on public walls, fences and bridges for passersby to admire and take home. Part of the fun of owning a Bokov is finding it.

Back in the late 70's, before the heyday of the East Village art scene, painter Dan Witz was finding it difficult to get his work seen by estab-

lished dealers. He claimed space on the streets, decorating walls and doorways and boarded-up windows with realistic portraits of hummingbirds. This winter, Witz's form of public outreach has less delicacy and greater social relevance. Working under cover of night, he's pasted more than 50 silk-screened emblems of the AIDS-stricken drug scene on walls above shooting galleries and cop-spots on the Lower East Side. These "plaque-markers," as he calls them — warning signs of the Grim Reaper — are dark silhouettes of sweatshirted heroin hawkers that locals have nicknamed "hoochys." Some disappear quickly, Witz says, not just because junkies want to deter the police from busting favored locations but because "people want to own them."

James Thompson, aka J.T. Colefax, is a writer from Denver who has become something of a modern-day town crier. His photocopied broadsides — one-page daily gazettes he calls the area's "most widely circulated newspaper" —

appear taped to construction fences and lampposts in the East Village. "Sht in Your Hand and Throw It at the Mayor," says one. "I Don't Know What Existential Means" reads another. After Jacqueline Onassis' death, Colefax responded with "The Kennedy Will Use This to Get Re-Elected." You get the drift. Now get a poster.

Phil Kline is a master conductor of the beatbox. In his time off from touring with Glenn Branca's power guitar orchestra, he composes symphonic works of weird electronic sounds for multiple cassette players. Every Yuletide he leads a ragtag group of several dozen beatbox-carrying friends on a high-volume cavalcade through the East Village art SoHo. The sound of caroling electronic bells and chimes builds sequentially on the wind into an ethereal music of the spheres. The year's march begins on December 17th at 7 p.m. in front of St. Mark's Church. Bring your own beatbox — Kline will supply you with a tape. ■

BY LINDA YABLONSKY

Журнал The New Outsiders, статья Линды Яблонской о творчестве Константина Бокова, Нью-Йорк, 1989

Каталог работ русских художников Америки с работами К.Бокова
Управление культуры Администрации Приморского края, Владивосток, 2007

Газета The Village Voice, статья о выставке Арт объектов Константина Бокова в Вашингтон Хайтс, Нью-Йорк, 1991

Константин Боков с газетой The Village Voice, где на обложке его портрет, 1989

Märkische Allgemeine
Zeitung für das Land Brandenburg
Potsdamer Tageszeitung

Freitag, 18. Juli 1990, Nr. 178, 50. Jg.
Einzelpreis: 1,- Mark
2,50 Mark + 90 Pfennig

Galeristen live in der Persiusstraße

Kameke-Idee vom multinationalen Künstler-Begegnungshaus fortgesetzt

Ein vielseitiges Spektrum internationaler Künstler soll sich in der Kameke-Galerie präsentieren – und das mit wöchentlich wechselnden Schwerpunktten. Neue Vermisungen sind an den Samstagen bis zum 22. Juli vorgesehen, einschließlich einer Vorstellung der Partner-Galerien von Claude Dorval und St. Charles de Roux. Zielsetzung orientiert Jochen Michaelis auf eine Zusammenarbeit mit Galerien in New York und Paris. Für den aktuellen Ausstellungszyklus sind die New Yorker Galerien Christine Loney-Daniel und Claude Dorval von Paris persönlich eingeladen. Die Amerikaner präsentieren – zum dritten Mal bei Kameke – nicht Arbeiten von sechs Künstlern, die in den USA leben. Im Mittelpunkt stehen jedoch Bill Rock (USA), der Russen Konstantin Boker und der Koreaner Ho Yoon Kim, die sie auch Potsdam eingeführt hat.

Rock zeigt zur Vermisung die Action Painting nach elektronischen Klängen, von den bezauberten Bildern von Malerei und Musik zu konstruieren.

Boker zeigt zwei konstruierte Sapin, Kaffeehausformen und realistische Objekte. Ob verändert zu alte

Malereien wie Zeitsagen oder Plakate, um sie mit neuer Sicht wiederzubeleben.

Ganz anders Ho Yoon Kim mit seiner impressionistischen Installation aus dem koreanischen Schamanismus mit Tönen auf Latexwand gemalt.

Claude Dorval, die große alte Dame der Pariser Galerien, stellt ebenfalls sechs ihrer Künstler vor u. a. aus Argentinien, den Niederlanden und Korea. Madame Dorval bevorzugt konkrete und konstruktivistische Kunstschaffungen. Sie präsentiert in ihrer Galerie Künstler mit großen Namen, findet aber auch sehr jung sind

Nachwuchs-Mittelkraft hat sie u. a. Arbeiten von Antonio Ariza, dessen visuelle Experimenten wirbelkassen sind. Weiter Garcia Rossi, der mit Licht und Farbe geometrische Figuren sowohl partielle Dimensionen als auch Dimensionenrealität gibt. In der ersten auch Pierre Mabius, der den Konstruktivismus mit indianischen Elementen verbindet.

Die Ausstellung kann von Mittwoch bis Sonntag von 11 bis 19 Uhr besichtigt werden. Die Vermisungen finden am 13. Juli von 19 bis 23 Uhr und am 22. Juli von 18 bis 20 Uhr statt.

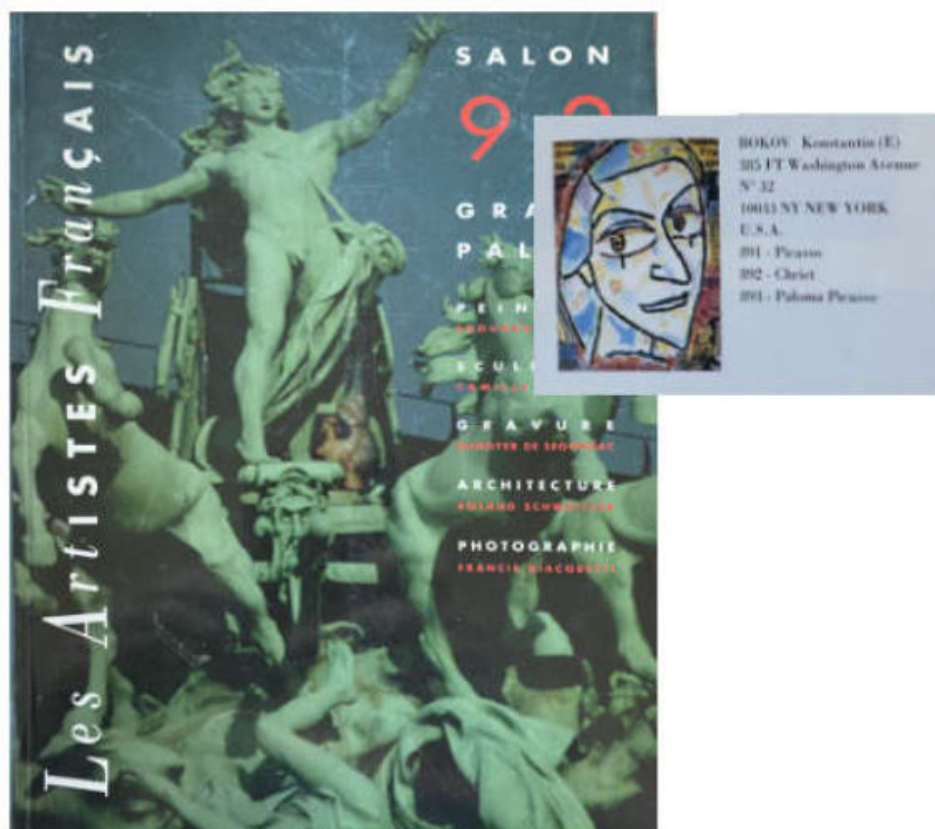
B. Weidt

Christine Loney-Daniel bei Kameke

Foto: M&M/Photo

Выставка в Германии (Потсдам), куратор Кристина Луизи-Даниэл бей Камеке

Портрет Паломы Пикассо работы Константина Бокова участвовал в парижском Осеннем салоне в Grand Palais, 1992

Японский журнал PUMP #5 со статьей о творчестве Константина Бокова, 1991

Журнал UPSTART, коллажи К.Бокова, 1983

장작 열기당황해 잠들었던 내적 뉴욕에서
로 Basso의 작품들에서 이제 한자어로 노
화되지 않을 수 있었음은
작가여 재기들을 좌우하면서 나는 그를
회복해 드디어 자비를 얻어내는 그를 지극
히 평범한 작가를 평판했다. 비친 물리적
고 추위를 모르는 작가가 아닐 수 없다.

제노프의 저자 언어에서는, 내적 깊은
바탕에 존재하고, 1980 후반을 계한 장한
하고 유망적인 세 사람도 나타났지만 끝이
없이 뉴욕의 번잡하고 열정을 배양했다.
눈을 잘 새 없이 제노프 무성하고 좋아
내치지는 도시가 곧 뉴욕이라는 것이었다.

Basso의 뉴욕 이전에는 뉴욕시에서 국
전 생활을 살피며 독점들 회화적 카세트로
흔들 움직이고 있다.

한편 그랜저에는 그림 작업에 있어 제
기 자비를 하고 있다. 특히 작품이라는 것은
자 어떤 그 한에서 일러두기처럼 영혼 한 정

통에서 찾아낸 줄거리는 그림이 되고, 그로
운 작가를 통해 고요한 일상에 하나 더
조금은 작자의 불완전을 속삭이게 하며
그 일의 한에서 일어나 순조롭게 움직이고
있는지도 모르겠다. 그로버의 제 '개념'의 물
체인 에는, 제노프의 모든 특징을 담고있고
복합적 지각해라

하지만 그로버는 천재적일수록 버려진 제
고 여를 얻을 것이고 있는 뉴욕 거처로 보
출이다. 남부한 총과 위험한, 광물 지역
의 동부 일부를 내리 고안한 뒤에서 제노
프스한 제노프 버클을 만나

하지만 그랜저에는 남부에서 남이들 제
고 있다. 그러나 남부에서 건축물을 만든
물고기가 아니고 "The New York
Times, 미시간, 뉴욕은 제노프 일면의 많은
작업을 지어내고 있는 것이다.

한편을 할때까지 제노프의 영혼은 물리적
해석의 일에서 관여하고 있는 여러 작품은

프랜시스 베이컨, 1969년

프랜시스 베이컨, 1969년

프랜시스 베이컨, 1969년

프랜시스 베이컨, 1969년

ART KOREA

아티스트리야

March 1998 3

March
1998

Газета "Укроп" Нью-Йорк, 2006

Subject spent entire kindergarten through 2nd grade at work on the 3rd floor during roll time.

A Portrait of the Artist In the Strangest Place

"I will give you one dollar," Rastapopoulos Barker said to the policeman on the 4 train. "If you let me draw your picture."

The postcard—also, of course, and almost the standard between friends—is, saying that he wanted poems, signed letters and notes, still drops of tears on his cheeks or breath caught—such a hard look in Rayman's face. The artist and live-action portrait painter, whose name is "Johnny's my studio,"

And the particulars had to be hard, because Neeruttila was drinking against an old-fashioned graffiti-covered railway shed, and there was almost no one to tell where the shed ended and the street began. His long black coat and the rest of his get-up looked as though one of the more careful graffiti writers had attached it with a tube of gold glue in hand over a tube of acetone glue for his nose.

"New Flight is my brother," said one of the

"No standing 8 a.m. to 8 p.m.," said a poster sign on the top of his pants.

"The New York Property of the Museum of Modern Art," said the caption on the banner, "is not a museum. Change The Address Your Day Or You Will Change The New York."

The postcardlike snapshots looked at all times, and at the half-hour, half-actual figures sketched on Karpman's coat. Then he looked into the own coffee cup and the three medals and two brass buttons, each in.

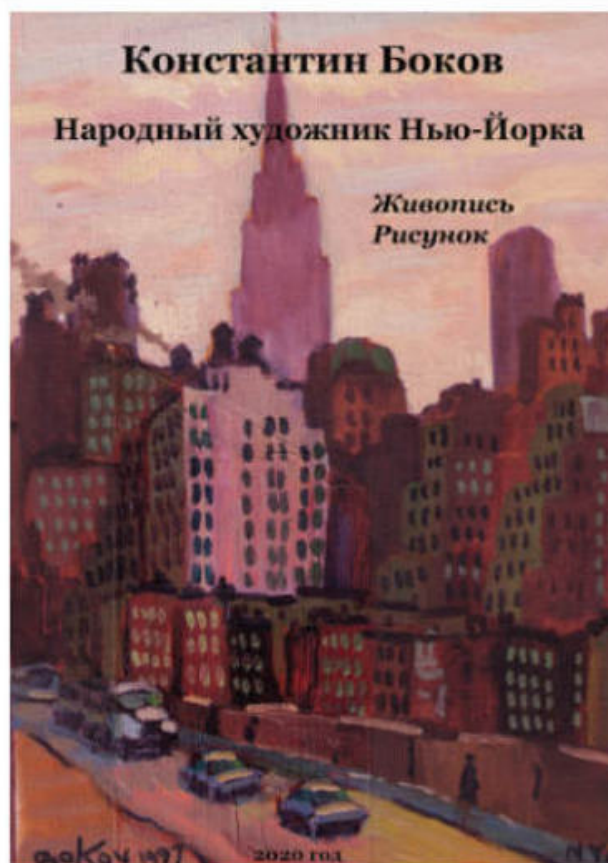
"Then," said the postman, and took out the bag, he took Remondino's dollar bill and marked it with a postmark. Then, in the good manner, he put the bag in his pocket.

In the time, which between 1224 and 1230 Henry, King of Castile, visited a church and in his house, placed him and to the man's face, nothing clearly had more curious with a greater point in the human nature.

Two decades later, the drawing was complete. By now, rather than the other end of the arc were staying there ready to watch the complete process.

Please see SPW133 on Page 45.

Please see SP133 on Page 49

Каталог работ к выставке в честь 80-летия Константина Бокова в
Доме русского зарубежья им.А.И.Солженицына в Москве, 2020

Каталог работ Константина Бокова к выставке,
"Париж глазами русского художника", 2021

Отрывки из интервью с Людмилой Боковой

(Из книги Валерия Сандлера „Чем дальше, тем роднее“)

«-Боков, по-вашему, художник или рисовальщик?

- И то, и другое. Рисовальщик – превосходный! Как ребёнок, радуется всему, что посылает жизнь. Любит рисовать восход и закат солнца, для него это самое интересное время дня. У меня есть серия его парижских рисунков... Мне удалось выхлопотать для него грант на 1983-1984 академический год в Cite International des Art, Международном Центре искусств, находящемся в Париже на острове Ситэ, посреди Сены. В его распоряжении было бесплатное ателье; он общался с художниками из десятков стран мира, участвовал в коллективных выставках, посещал музеи и картинные галереи, и – рисовал, рисовал. Привёз домой замечательные рисунки. Их столько, что я организовала три выставки в Колумбийском университете, пока работала там в библиотеке. Они, на мой взгляд, – лучшее из всего, что он сделал в жизни.

Эксцентрик – это клоун. Боков и есть клоун. Свой чёрный пиджак и брюки он расписал красками, нанёс всякие смешные надписи, рисуночки, шаржи. Например: мужик сапогом раздувает самовар. Или: корова, у которой на боку написано слово «Россия», и её доят два президента – Горбачёв и Рейган. Бокова ни капельки не беспокоит, что в такой одежде он становится похожим на попутая. Говорит: „Хочу, чтобы на меня обращали внимание“.

Он удивляет нью-йоркцев своими рисунками, масками, коллажами из случайных предметов, подобранных на улице и выставляет их на видных местах: лестница на Fort Washington Ave., арка у входа в Fort Tryon Park, возле музея Cloisters. Одной местной женщине они так понравились, что она стала прикручивать их проволокой к чутунной ограде: „боялась, что уворуют“. Если они исчезали, то Костя делал новые».

Он никогда не просит денег за свой труд, отдаёт даром, но если предлагают плату – принимает как пожертвование.

Он – бесребреник. У людей проблема: как выжить, а для него главное – чтобы голова соображала, глаз видел, а рука могла запечатлеть то, что видит глаз. Художник считает себя особенно нужным и важным, рисуя чей-нибудь портрет. Если отнять у него искусство, он на следующий же день наложит на себя руки. Вот такой человек».

Рисунки
"Бездомный в библиотеке Центра Помпиду",
бумага, акриловые краски, 1984

Константин и Людмила Боковы

Людмила и Константин Боковы с сыном Алексеем, Нью-Йорк, 1985

На открытии выставки парижских работ К. Бокова
В Колумбийском университете (Нью-Йорк) с директором музея Метрополитен
Филиппом Де Монтебелло и Л. Боковой, 1985

Константин Боков и Михаил Шемякин, Нью-Йорк, 1998

Людмила и Константин Боковы на выставке Михаила Шемякина
В галерее Mimi Ferzt, Нью-Йорк, Сохо2015

Народный художник Нью-Йорка Конст ант ин Боков

Константин Боков уже несколько десятилетий является неотъемлемой частью художественного Нью-Йорка. Ни больше – ни меньше! Да никто и не пытается оспорить этот факт. А для многих галерей и даже целых городских районов – он вообще как талисман, вызывающий добрую улыбку одним лишь своим появлением и умением творить волшебство из обыденности.

Как и многие русские люди Константин Боков родился и жил на Украине. В городе Шостка Сумской области. Родился он в самый предвоенный год – 1940-й. Мама поднимала двоих детей, объясняя им, что папа пропал без вести на фронте. Что было очень распространенной «неправдой» в те годы. Папа с 1942 года отбывал срок по 58-й статье за неосторожно написанный анекдот про Сталина. После возвращения и реабилитации Виктор Боков обосновался на родине, в деревне Язвицы, что неподалеку от подмосковного Сергиева Посада. После своей реабилитации он смог забрать к себе и свою семью. Близость к Москве приближала повзрослевшего и отслужившего в армии Константина к его мечте – поступить в Художественный институт им. Сурикова.

Надо отметить, что Виктор Боков, писавший стихи с ранних лет и учившийся еще до войны в Литературном институте им. Горького, становится невероятно популярным советским поэтом-песенником. Песни на его стихи, такие как «Оренбургский пуховый платок», «Гляжу в поля просторные», «На побывку едет молодой моряк» и другие были да и остаются по сей день действительно популярными. И многие люди даже не подозревают о существовании автора, считая их народными. Как-то удалось ему, используя псевдо фольклор, создать подлинно народные произведения, которые реально трогают душу.

Все хоровые коллективы страны исполняли и продолжают исполнять песни на стихи Виктора Бокова. Заслуженные и народные артисты, в том числе и по истине великие Людмила Зыкина и Ольга Воронец, имели в репертуаре его песни. По радио и телевидению эти хиты крутились постоянно... да, это была настоящая, причем вполне заслуженная, слава. Ну и, конечно, орден «Трудового Красного Знамени», орден «Дружбы народов», Первые премии на Всесоюзных конкурсах за лучшую песню, членство в редколлегии «Литературной России», членство в правлении Союза писателей РСФСР, а затем и СССР, мемориальная квартира-музей в родной деревне Язвицы, открытая при жизни, и место на престижном кладбище в Переделкино с 2009 года. Скончался Виктор Боков на 96 году жизни, а ежегодный песенный фестиваль «Боковская осень» в Сергиевом Посаде продолжает собирать его поклонников.

Так вот, имея такие колоссальные родственные связи в мире советского искусства, его сын Константин Боков поступал в Суриковский институт 5 раз подряд. И так и не поступил.

Отец сказал ему: «Я всего добился сам и ты тоже будешь всего добиваться самостоятельно!». Константин стал вольнослушателем в Суриковском институте, а в Строгановском прикладном художественном училище, кстати, весьма престижном в те годы, он получил специальность краснодеревщика. Хотя так и не закончил училище.

Чтобы как-то жить он устраивался работать то вахтером, то сторожем, то пожарным – этот путь прошли почти все художники нон-конформисты советского периода. Сутки работаешь – трое отдыхаешь, такое расписание позволяло заниматься творчеством и даже участвовать в выставках. А выставки для нон-конформистского художественного сообщества делал в Москве все тот же Александр Глезер – добрая ему память за его гражданское мужество и храбрость.

Безусловно, работы Константина Бокова были сюрреалистичны по принципу их создания – они рождались в подсознании и вытекали на холст или бумагу цветным сгустком. Конечно, люди с фантазией могут себе представить одуванчики выше человека, но только художник может донести их до холста и придать всей картине тревожное ощущение потерянности маленького человека в огромном мире... одуванчиков. Такого рода картины писал молодой Константин Боков.

Для эффекта убедительности он всегда будет вводить в свои работы элементы фигуративности. Человек в его работах будет узнаваем, более того, художник по возможности будет стремиться к портретной схожести. Но, несмотря на внешнюю узнаваемость, предметы в его работах отныне всегда будут находиться в ирреальном мире и взаимодействовать по законам этого мира. Все последующие годы его творческой жизни будет казаться, что Боков заходит туда – в этот ирреальный мир и выносит оттуда какие-то предметы, чтобы доказать нам, что этот мир существует. А уж наше дело – верить или нет, но он – то знает, что есть – он видит.

Фантастический реализм – так, скорее всего, можно назвать творческое кредо художника Константина Бокова. А сфера его деятельности и интересов огромна. Еще в те ранние годы в Москве он стал увлекаться таким направлением, как коллаж – соединением на поверхности холста, картона или бумаги плоскостных предметов, исходя из их соответствия – смыслового или цветового. Впоследствии уже в Нью-Йорке, добрая половина художественных произведений Бокова уже будет состоять из ассамбляжей – объемных соединений предметов, которые также будут подбираться им по одному из художественных принципов – портретной или фигуративной схожести, цветовой гаммы или месседжа.

Из Москвы семья Боковых – Константин, жена Людмила и маленький сын – уезжала в 1974 году. Было понятно, что художнику, непрактичному по жизни и не исповедующему соцреализм, будущее на родине светит не самым привлекательным образом. К тому же, его близкий родственник был автором книг, изданных на западе, что делало его самым

настоящим диссидентом бросалотень на всех близких. Были получены визы и куплены билеты, поэтому из соображений безопасности Боков не принял участие в той самой исторической «Бульдозерной выставке», которая случилась за три дня до их отъезда. Хотя все до сих пор продолжают думать, что – «Ну, не могло его там не быть!».

Первые годы в Америке были тяжелые материально. Впрочем, и в дальнейшем художник Боков не стал заложником материальных благ Америки, и все тяготы по жизнеобеспечению несли его жена.

Нью-Йорк тех лет – это бушующий водоворот ПопАрта – популярного искусства, которое находили во всем и оно находилось везде. Процесс создания этого национального американского художественного направления был инициирован плеядой гениальных артдилеров, и они предоставили группе талантливых, но весьма своеобразных художников огромный кредит доверия. Потом они его удачно монетизировали, но это было потом. А конец прошлого столетия в Америке будет отмечен феерией бытового искусства. И русскому художнику Константину Бокову удалось стать неотъемлемой его частью.

Параллельно с рисунками, в стиле, скажем так, сюрного примитивизма и графическими портретами, которые Боков замечательно делает без отрыва карандаша от бумаги, он увлекся самым урбанистическим направлением искусства – 3-х мерными коллажами, а затем ассамбляжами из городского мусора. Неизъяснимым образом городской мусор имеет эстетическую привлекательность для многих художников. Это целое направление в современном искусстве, основанное на пересмотре ценности девальвированных предметов, поиска в них художественной составляющей.

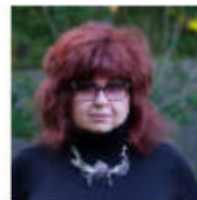
Впервые эстетику мусора заметили дадаисты и, прежде всего, Курт Швиттерс (1887 – 1948гг), который заменил в своих работах традиционные материалы на части предметов, расценивавшихся до него как городские отходы. Им были использованы обрывки газет и афиш, трамвайные билеты, веревки, крышки от консервных банок. Но, несмотря на анти-эстетизм, который исповедовали дадаисты, искусство, творимое из мусора, постепенно стало соответствовать художественным канонам. Беспредметные ассамбляжи становятся художественно значимыми объектами искусства. Направление жанра переориентировалось и специалисты были вынуждены назвать это «нэодадаизмом».

Именно на этом этапе его взяли на вооружение художники американского ПопАрта, а больше других на этом поприще проявили себя Роберт Раушенберг и Клаис Олденбург. В своих работах они задействовали городской мусор по максимуму: осколки стекла, автомобильные шины, обломки всего чего угодно, граффити и все прочее, что создает в городском ландшафте хаос. Но в их коллажах и инсталляциях все предметы продолжали играть те же роли, то есть самих себя – предметы городского мусора. Можно сказать, что это реалистические памятники городскому мусору.

Константин Боков в своих работах продвинулся существенно дальше. Для себя он создал концепцию города, которая заключается в том, что Нью Йорк – это огромное выставочное пространство под открытым небом. Бытовые отходы города превращались в его ассамбляжах в узнаваемые смысловые объекты. Он не мог пройти мимо какого-нибудь городского уголка, где можно было бы оставить собранную из подручных средств фигуру – просто оставлял на пеньках, оградах, ступеньках нечто подобное сказочным домовым. Его стали узнавать на улицах Вашингтон Хайтс, где он прожил много лет, а потом и в Манхэттене. Более того, его работы стали предметами коллекционирования – к сожалению, бесплатного: люди просто уносили их домой и возвращались за новыми, которые Боков охотно устанавливал снова. У него даже была, по его словам, «собственная галерея в Сохо» – это забор, на котором он развешивал свои коллажи и рисунки. Всего лишь раз какой-то коллекционер прислал ему чек за работу.

Вообще, галерейщикам с ним работать трудно: он раздаривает работы, не всегда берет деньги за них, а если возьмет, то ничтожную сумму, говоря, что «ему хватит». Материальная сторона жизни так и не заинтересовала его, поэтому артрынок художника Бокова пока не определился в границах. Хотя его выставки в различных нью-йоркских галереях проходили многократно.

Как художник он стал действительно популярен, может быть, в контексте художественно одаренного городского юродивого, но известность у него в Нью-Йорке широкая. Конечно этому способствует и несколько тщеславное желание эпатировать городскую публику и костюм, собственноручно расписанный фирменным «боковским» стилем. Абсолютно все в Бокове – работы, образ жизни, и вечный поиск искусства во всем окружающем делают его живой легендой ПопАрта. Об этом писали все значимые американские газеты, снят чудесный фильм, взяты интервью – художник Константин Боков не остался незамеченным в истории современного искусства, более того – он занял там свое собственное заслуженное место – Народного художника Нью-Йорка.

Светлана Вайс,
Арт директор InterArt Gallery
Нью-Йорк 2019 год

Константин Боков

Людмила Вайнберг "Портрет художника Константина Бокова", холст, масло, 2016

Оглавление

Глава 1

<i>Нью-Йорк глазами русского художника.....</i>	<i>4</i>
---	----------

Глава 2

<i>Париж глазами русского художника.....</i>	<i>44</i>
--	-----------

Глава 3

<i>Арт объекты.....</i>	<i>102</i>
-------------------------	------------

Глава 4

<i>Цивилиз как перформанс.....</i>	<i>154</i>
------------------------------------	------------

Глава 5

<i>Константин Боков в истории современного Поп-Артаё</i>	
<i>Этот, франц.....</i>	<i>162</i>

Народный художник Юно-Йорк

Космическая туманность миллионы миллионов
миллиардов диаметре земных туманов гуще
темнота туманности
яркие туманности
из мирах туманное
две тысячи мы вы
звездные звёзды
глазными разными по
пальцами туманности
туманности рождаются
расстояние между ними
за пределами нашей
отправиться на наблюдение
различные существа
звёзды восходят в план
туманности, план со
меркурии и плутон.
встреча их происходит
бывает когда солнце
на пути и обратно
вновь новые месяцы
часть луны - земная
не имеет своего света
солнечная сторона
как часть стороны луны
воображение полная луна
человек на луне воображение полная луна
морей и горных краёв